

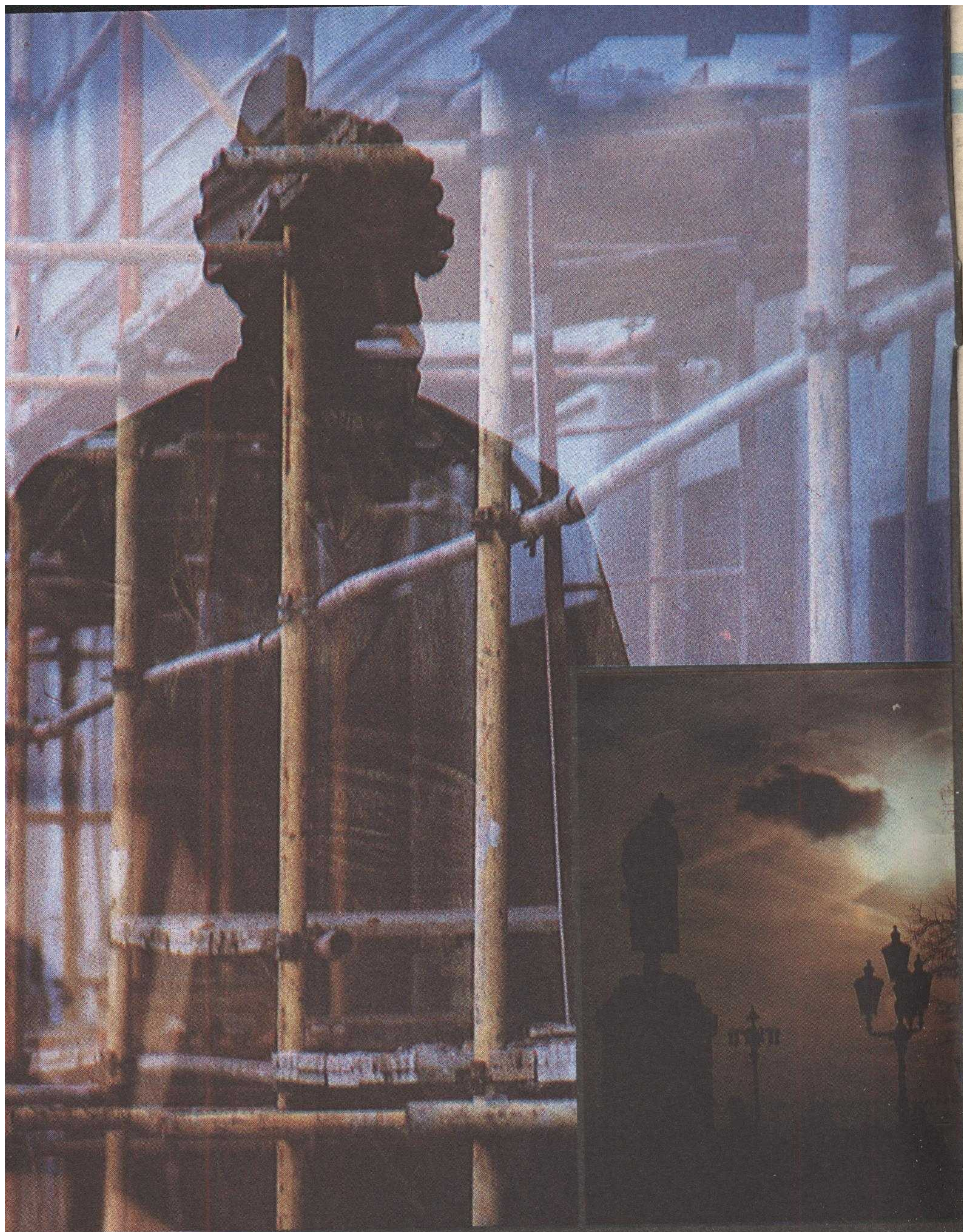
«Исповедь на заданную тему» продолжается...

Не выбрасывай этот номер журнала — в нем начинается роман, который у тебя все будут просить почитать.

«Боролись, боролись и... напоролись» — чем грозит многопартийность в Вооруженных Силах.

1'91

ISSN 0236—0268



Вы спрашиваете, что такое инфляция? Не вдаваясь сейчас в дебри экономической терминологии, приведем, как говорит наш редакционный Ерник, доступный пример. Если открытие, пожалуй, самого известного, опекушинского памятника А. С. Пушкину обошлось в 1880 году в 86 761 рубль 53 копейки (деньги по подписке собирала вся Россия), то сегодня одна лишь реставрация бронзового Александра Сергеевича и прилегающей к нему мемориальной зоны стоит свыше полутора миллионов.

Впору объявлять очередную подписку?

«ПУЛЬС» НАЧИНАЕТСЯ

К тебе, читатель, пришел первый номер «Пульса». А первое — почти всегда новое, вызывает ожидания, таит надежду, так необходимую в нынешнюю изломанную, противоречивую пору.

«Пульс» пробивался к читающей публике с весны прошлого года. Складывалось его содержание, смысл, ориентация. Были поиски, неудачи. Можно с уверенностью сказать, что «Пульс» заметили. Но набрать силу, стать настоящим молодежным изданием журналу еще предстоит.

«Пульс» учредила, обозначила основные направления его деятельности редакционная коллегия вместе с издательством «Молодая гвардия» и ЦК ВЛКСМ. Редколлегия не «парадно-номенклатурная», составленная из представителей комсомольских, партийных и прочих ведомств, а «рабочая», как это видно из выходных данных в конце номера.

Новый «Пульс» — журнал общественно-политический. И хотя все мы так или иначе втянуты в политику, эти слова, вынесенные в титул издания, не вызывают восторга у многих читателей, особенно у молодых. Они ищут что-то другое. Об этом и пишут в редакцию. Не берусь судить, откуда взялось такое отношение. Наверное, причина прежде всего в многолетней идеологической муштре, бесчисленных «политических уроках и зачетах», которые начинались для нас уже в раннем возрасте. Внесли свою лепту и молодежные издания. А в результате выросли целые поколения, не знающие мучительных поисков смысла жизни, лишённые — приведем слова Льва Толстого — «энергии заблуждения», вечных ошибок и без которых не может быть ни молодости, ни развития, движения общества.

Молодость, как и саму жизнь, невозможно лишить ее противоречий и «глупостей». И не потому ли так трудно складывается в нашем обществе диалог с молодежью (да разве только с молодежью!)? Не потому ли ни новые лица, ни привычные государственные и партийно-коммунистические структуры не спешат заводить свои молодежные издания? Большого и быстрого дохода они не принесут, а вот говорить с юношеством о серьезном — идеалах, созидании, перспективах — еще неизвестно, получится ли. Да и какие тут перспективы... Зато вниманием, особенно сверху, включая самого Президента, бурлящая молодежная пресса не обделена.

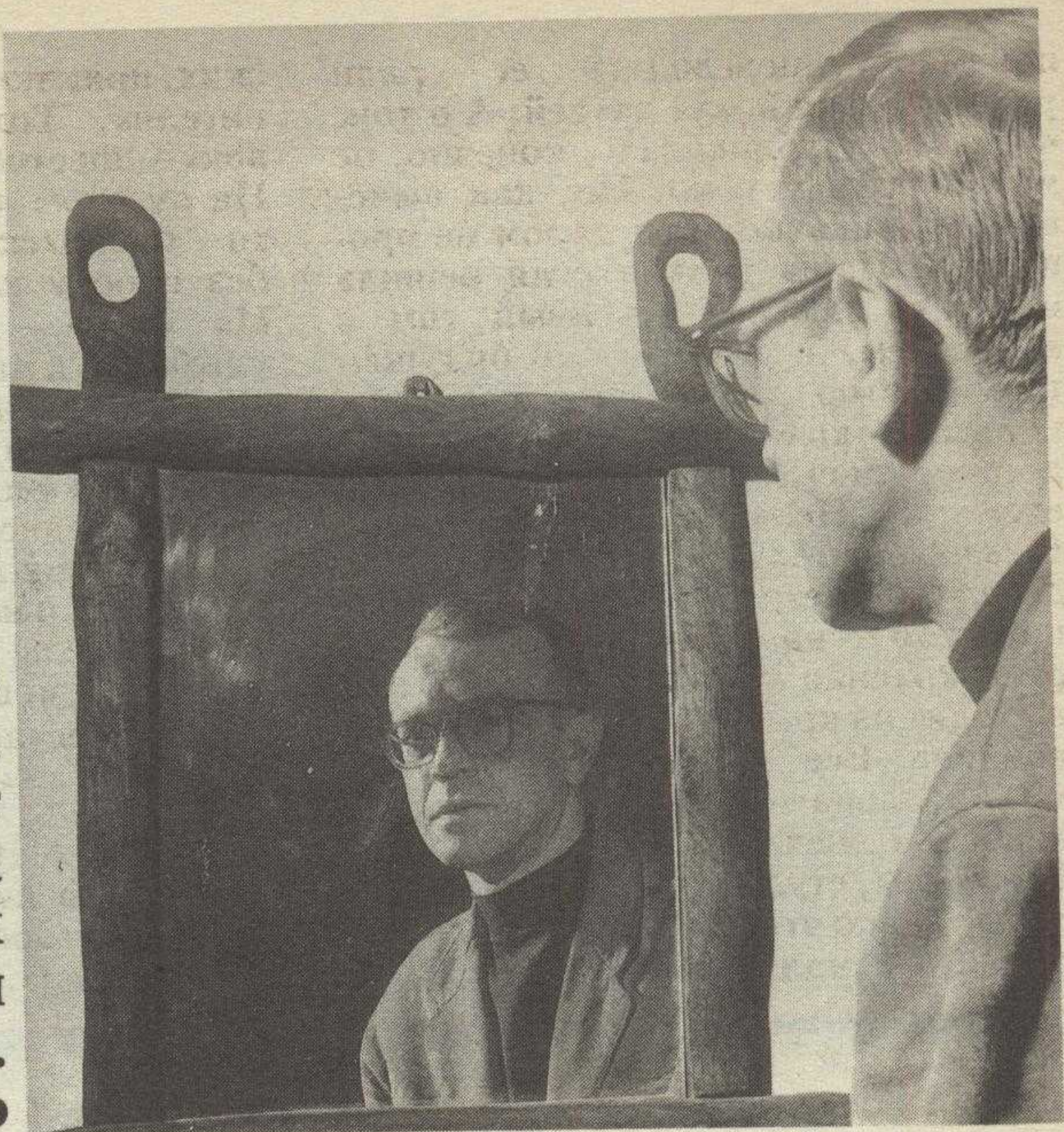
Наша главная мечта — идти в ногу с молодым читателем, а чем можем — помогать ему. Для этого мы, в «Пульсе», очень хотим «разказенить» журнал, уйти от назиданий и поучений типа: пионер (комсомолец) всем ребятам пример, хорошо учится, уважает взрослых. Привлекательнее, на наш взгляд, свободно общаться, а не вещать, изрекая непогрешимые истины. Спорить и видеть в инакомыслящем не врага, а оппонента. Вот это мы и предлагаем уже с первого номера. А ты, читатель, надеюсь, сделаешь выбор.

Главный редактор «Пульса»

Андрей Шестоголов

Збигнев НЕНАЦКИ:

Я писал свой роман во время военного положения в Польше, когда люди устали от политики, а на магазинных полках был только уксус. Я знал, что



*Збигнев Ненацки
для Святых в Равне
— Jan 10. 10. 12. 90 r. 10*

Збигнев Ненацки.

Ни имя — Збигнев Ненацки, ни название книги, о которой идет речь, — «Раз в год в Скиролавках», — сейчас ровным счетом ничего вам не говорят. Но я уверена, что самое большее через год и писатель, и его роман станут у нас так же знамениты, как и в Польше. Когда эта книга вышла там в свет, читатели резко поделились на два лагеря: одни сказали, что это порнография, другие — что это высокоморальное произведение, а эротика... что ж, эротика — это очень важная часть жизни взрослого человека.

Интересно, что на стороне последних оказался костел, который в Польше играет не последнюю роль — в том числе и в формировании общественного мнения. Было при-

нано, что книга показывает омерзительность греха, но люди, упав, поднимаются и приходят к милости веры. Кардинал Глемп, глава польской католической церкви, сказал в свое время примерно следующее: «Нет другой книги, в которой был бы так хорошо показан ксендз. Но поскольку автор — коммунист, мы не будем ни пропагандировать ее, ни критиковать».

А вот как отнеслась к роману простая крестьянка из деревни, где постоянно живет писатель, старушка, вообще не читающая книг. Прочитав первый том, она воскликнула: «Это свинство! Скорее давайте мне второй том!»

Мне подарили эту книгу пять лет тому назад, и, прочитав, я стала



понемногу переводить ее — ради удовольствия и для друзей. А о том, чтобы ее опубликовать, конечно, не могло быть и речи. Но, как выяснилось, никакой труд даром не пропадает. Наша редколлегия решила печатать перевод — первый том в нынешнем, а второй — в будущем году. Автор дал на это согласие, польские коллеги — спасибо им — договорились о встрече. И вот мы едем к Ненацкому в деревню Ежвалд, на Мазуры, за триста пятьдесят километров от Варшавы. Дом писателя — на берегу озера, во дворе — красная «тойота». Вот и он сам выходит на крыльцо, ведет в рабочий кабинет. Все страшно знакомо по «Скиролавкам» — от вида из окна до ковра из овечьих шкур на полу. Все столы, стулья, подоконник завалены только что присланными авторскими экземплярами книг — от дет-

ских, приключенческих, до «Соблазнителя». Толстый том «Скиролавок» — шестое, последнее издание. На русском языке — книжка какой-то бандитской фирмы, которая без спросу выпустила его повесть. На стене — пистолет, на пороге, улыбаясь и повизгивая, не смея войти, переминаются с ноги на ногу два огромных дога. Да, когда небедный человек живет в такой глуши, все это не вредно...

Проговорили мы часов пять, до темна. Сильно сокращенная запись этой беседы — перед вами. Свои вопросы я повыбрасывала, чтобы не мешали, оставила необходимый минимум.

Тамара МАЧЕЯК,
переводчик книги,
начало которой вы найдете в конце
этого номера.

— Как родилась книга? Недалеко от моего дома ночью убили девочку. Приехала милиция. Установили, что убийство совершено на сексуальной почве. Стали опрашивать всех жителей деревни, пришли и ко мне. Полковник говорит:

— Того, кто ворует кур, надо искать в курятнике. А того, кто убивает на сексуальной почве, надо искать, изучая интимную жизнь людей. Но мы не в состоянии этого сделать, потому что люди чаще всего обманывают. Девушки, например, говорят, что у них вообще еще никого не было, поэтому о том, кто каков, они понятия не имеют. Вот если бы можно было приоткрыть крыши домов и посмотреть, кто как живет...

Милиция уехала, а я понял, что, как писатель, я могу приподнять эти крыши. В своем воображении я могу создать такую деревню, такую ситуацию и в конце концов найти убийцу. И именно этой цели служит в книге эротика. Это — не для развлечения, не для украшения и не для того, чтобы меня больше читали — я и так популярен, и не для денег — у меня их много. Эротика — это элемент следствия, ее нельзя из книги выбросить. Одна старая пани, цензор из издательства в Оль-

штыне, хотела снять хотя бы одно слово — и не смогла, потому что каждое из них — ключ к разгадке: кто убийца? Мы изучаем сексуальную жизнь людей и смотрим: а этот мог или нет? А тот?

Сам я был разочарован реакцией на книгу. Я считал, что основные споры будут вокруг проблемы закона и справедливости. Закон освобождает преступника, потому что ему не могут ничего вменить, а село требует, чтобы справедливость восторжествовала. Есть собственное представление о справедливости и у преступника. Все это ушло от внимания читателей и критики. Зато всех зацепила эротика, особенно не очень культурных людей.

Я вырос в медицинской семье. Дед, отец, братья, теперь сын и невестка — все врачи. Я разделяю их убеждение, что человек — не социальное, а биологически-социальное существо. Когда-то отец спросил меня, чем я занят. Я ответил:

— Читаю «Анну Каренину».

— О, это очень умная книга. И что ты из нее понял?

— Я понял, что женщина оказалась в трагической ситуации и покончила жизнь самоубийством.

— Ну, значит, ты будешь плохим писателем.



— Почему?

— Потому, что ты не знаешь механизма человеческого тела.

А отец очень хорошо знал литературу, он был старым гуманистом.

— Збышек, ты не заметил, что на сороковой странице упоминается о том, что у Анны болит голова и она принимает опиум. Значит, в нашем представлении она — наркоманка. Она оказалась на вокзале, капелек опиума у нее при себе не было. У нее психический кризис, депрессия. Ха-ха, Збышек, если бы все женщины, которых бросали любовники и у которых отнимали детей, кончали с собой, немного бы осталось женщин. Не будь дураком, прочитай книжку еще раз! Толстой — великий писатель, он все описал точно.

Я рос в доме, где мое писательство было предметом насмешек. Современные писатели вызывали сочувствие, потому что они не знали медицины. Книга старого автора — другое дело. Например, Шекспир. У него Юлий Цезарь говорит Антонию: «Окружай себя людьми толстыми, лысыми, которые хорошо спят ночью». За триста лет до Кречме-ра Шекспир знал, что от типологии человека, от его анатомического строения зависят характер и поведение. Это знают врачи.

Первая моя повесть, за которую отец меня высмеял, называлась «Загадочная девушка». Там герой знакомится с девушкой, они гуляют, целуются. И вдруг, когда он опаздывает на свидание в кафе на три минуты, она устраивает ему скандал и прогоняет навсегда. Но через три дня, при встрече, снова радуется, зовет к себе как ни в чем не бывало. Я прочитал эту повесть за столом, отцу и братьям. Отец засмеялся и говорит: «Не получится из тебя писателя, иди на медицинский. Что это за загадочная девушка? У нее были месячные! Женщина перед этим ведет себя иначе. Накануне она была раздраженной, устроила в кафе скандал, а потом у нее все прошло, и она почувствовала облегчение».

Т. М.: Наверное, поэтому женщинам лучше не быть начальниками...

— А можно и быть. Моя жена — директор кинофабрики в Лодзи, и она знает особенности своей физио-

логии, понимает: сегодня я должна быть приветливее со своей секретаршей, а декоратора, вызвав, не сразу обругать, а постараться быть мягкой. А простая женщина говорит: «Пан писатель, я сегодня пошла в магазин и со всеми там поругалась». Она не понимает, что с ней происходит.

Мы не можем расстаться с определенными взглядами, постоянно повторяем, что позиция человека определяется его принадлежностью к классу. Но моя семья учила меня, что иначе реагирует на одно и то же, например, директор, у которого язва двенадцатиперстной кишки, иначе — здоровый и крепкий, иначе — человек низкого роста, иначе — высокий.

Соцреалисты убеждены, что главное — это воспитание. Но ведь есть и генетика, поведение человека обусловлено и ею. Знаю пример: в семье, где мать и трое дочерей — курвы, а отец — вор, рождается четвертая девочка, которая питает отвращение к распущенности. Как говорил мой отец, воспитание — это двадцать процентов. Когда близорукий надевает очки, он не перестает быть близоруким. Очки позволяют читать, писать, водить машину. Воспитание — это очки. А главное — это как гены в тебе уложились. Так считают сын и невестка, они сейчас работают в Швеции, стали крупными специалистами, и когда приезжают сюда, рассказывают о новейших достижениях науки.

И вот, выросший в такой семье, я уже популярный молодежный писатель, решил взбунтоваться. Я был уже богат, мне было на все наплевать, и я решил расщипаться со всей литературой, со всеми героями книг. Я стал переписываться с виднейшими психиатрами Польши — отец к тому времени уже умер. Я задавал психиатрам вопрос: что было бы, если бы, например, к ним в клинику поступил Дон-Кихот? Человек, который хочет освободить мир от колдуна Мерлина, воюет с ветряными мельницами? А его история болезни — это четыре тома, книга Сервантеса. Психиатры забавлялись, как дети. Мне ответили, что Дон-Кихот болен психоманиакальным психозом. У него слабое либидо, Дульцинея кажется ему прекрас-



нейшей женщиной на свете. У него приступы депрессии, смена фаз депрессии и жажды деятельности. Он часто болеет, видит миражи. И потом — почему он Рыцарь Печального Образа? Езжайте в клинику в Гданьск, там вы увидите у больных с таким диагнозом характерную «складку печали» возле рта. Психиатры начали спорить между собой, какой же болезнью страдали герои Достоевского, Толстого — с точки зрения современной медицины, на основании того, что о них написано. И так появилась моя первая смелая книга «Соблазнитель», пролог к «Скиролавкам». Там есть доктор Йорг, и у него в клинике лежат герои знаменитых книг.

У Раскольников, по мнению врачей, было помрачение рассудка. Он рассказывает о своих галлюцинациях — сумеречных состояниях. Это явление — большая редкость в психиатрии. Может быть, вам это скучно, но этот человек поступал во время помрачения рассудка вопреки своей натуре. Бессознательно. Это подтверждает наука о клетках мозга. Раскольников не был преступником. Он пошел убить старуху, но обратите внимание — в момент убийства он уже потерял представление о действительности, не знал, что делает. После долго спал — все совпадает. Он — человек честный. Убив старуху и одолжив для этого топор у дворника, он собирается после убийства отнести ему топор.

Почему старые писатели писали о людях, психически больных? Потому, что они казались более интересными. Хотя граница, которая отделяет нормального от ненормального, очень условна. Великие писатели всегда выходят победителями из психоанализа, потому что они пишут правду о живых людях. А молодые терпят неудачи, потому что они не берут героев из жизни, а выдумывают их. Эти герои — симулянты. Великий же писатель всегда точен. Вот, например, «Страдания молодого Вертера». Медицина не знает ничего такого, как самоубийство на почве несчастной любви. Вот книга «Клиническая психиатрия» крупнейшего польского психиатра Тадеуша Гликевича. И поищите, что он пи-

шет об «амор инфеликс» — о несчастной любви. Меня интересует только наука. Из этой книги я узнал, что не существует самоубийства на почве несчастной любви. Это происходит только на фоне психического заболевания. Оно развивается, и достаточным бывает любой предлог — в том числе и безответная любовь.

Т. М.: А как с несовершеннолетними? Они еще молоды...

— У них целый букет болезней. Чаще всего они проходят без следа, даже пизофрения. Девочка может покончить с собой и из-за двойки. А если вы проследите жизнь этой девочки, то вы заметите: было не все в порядке. Идет хромой — и вдруг спотыкается о камень. Что, камень виноват? Нет, хромота. У вас психиатрия развита слабо. В Польше — очень хорошо. И наши психиатры говорят, что если инстинкт смерти у человека сильнее, чем инстинкт жизни, — ищи здесь психическое заболевание.

Вообще я хочу показать вам, как я работаю. Например, у меня спрашивают: откуда я так хорошо знаю женщин? Ну сколько у человека может быть в жизни женщин? Шесть, семь? А может — и две тысячи, как у Сименона. У меня — тоже. Но скольких можно знать на самом деле? Не каждая захочет говорить о том, что она пережила. А я — современный писатель, я знаю, что на свете есть научные труды. Вот, например, книга Леппорта «Сексуальная жизнь женщины», на немецком языке. Три тысячи женщин, от 14 до 74 лет, рассказывают о своей интимной жизни. И здесь я ищу персонажи моих книг. Собственный опыт мне не нужен, я ему не верю. Я встречал девушек, которые не говорили мне правды. А здесь собраны анонимные анкеты. Мне нужна наука, чтобы писать правдивые книги. Хотя правды хотят не все читатели.

Т. М.: А вы представляете себе своих читателей? Что это за люди?

— Самые разные. От самых юных, которым предназначены мои приключенческие книжки, до взрослых. Я получаю много писем. Вот, например, очень характерное: «Я всегда запоем читала ваши книги,



вы — самый любимый писатель моей юности. Я, надеюсь, еще не стара — мне 27 лет, я студентка мединститута. Пора бы представиться — меня зовут Магда Маркевич, я как раз купила двенадцатую серию «Приключений пана Самоходика». Давно хотела вас поблагодарить за этот цикл, много лет назад, когда впервые познакомилась с паном Томашем и его приключениями. Книжки такие интересные, что я читала их ночами, при свете фонаря под одеялом. Я простой человек и не могу точно определить, почему я так привязалась к этим книгам. Это — мое бегство от проблем. В этом году я попала в больницу и пробыла там так долго, что это могло опротиветь. Именно тогда я вернулась к приключениям пана Томаша. Мы с мужем читали много ваших книг, в том числе и для взрослых, которые совсем иные, к сожалению — правдивые».

Что вы скажете об этой пани? Она не хочет «Соблазнителья», она не хочет «Скиролавок», потому что они, к сожалению, правдивые. Она хочет бегства от правды. Ведь пан Томаш Самоходик — всегда джентльмен, он всегда мил, всегда вежлив. Он не знает, что такое секс. А правда жестока. Вот вопрос: для кого писать книги — для тех, кто хочет правды, или для тех, кто хочет сказок? Если мы сейчас все хотим свалить на дедушку Маркса, то хотя бы одно можем за ним признать: он сказал, что правда — вещь субъективная. Каждый по-разному смотрит на одно и то же. Читатель знает, что все эти приключения — выдумка, но он хочет сказок, просит тринадцатый выпуск «Пана Самоходика». А я больше не хочу, я взбунтовался и хочу писать правду.

Т. М.: И «Самоходика» больше не будет?

— Нет, тринадцатого тома «Самоходика» не будет. И я найду читателей, которые хотят правды. «Скиролавки» — это книга для достаточно глубокого читателя. Другой мало что в ней увидит — детектив, эротику. Но просто эротика сейчас не расходуется. Порнографические книги и журналы лежат в киосках, и никто их не берет. А

«Скиролавки» расходятся. Вышло уже шестое издание. А значит, есть читатели, которым нужна правда. Теперь я буду писать книги для них.

Впрочем, литературу для взрослых я отделяю от литературы для детей. В детской должно быть много приключений, совершенно другой язык, там нет места вульгарности. Психиатры сказали мне, чем, к сожалению, обусловлен успех приключенческих книг. Они говорят, что девочки и мальчики — особенно девочки — и приключения, и вообще сильные драматические ситуации переживают сексуально, это род их первого сексуального оргазма. Вот почему книги, прочитанные в детстве, так запоминаются. Это вульгарно, да и если бы вы были педагогом, вы бы сейчас забросали меня камнями — мол, я тот человек, который сексуально стимулирует девочек своими якобы невинными приключениями пана Самоходика. Но ведь точно так же воспринимаются и книги Майн Рида, Дюма. Психиатры давно это заметили и считают: это очень хорошо. Пусть девочка переживает свои первые сексуальные ощущения таким образом, а не ищет приключений в реальной жизни.

Т. М.: Но «Скиролавки» — хоть и книга для взрослых, но тоже полусказка. Клобук — существо мифическое, по-моему, он что-то вроде символа постепенно исчезающей народной культуры. Умрет Макухова — и все забудут о том, что был на Мазурах такой миф...

— Да, исчезающая культура... В «Скиролавках» есть еще один слой. На этих землях родились многие великие немецкие писатели. Как-то мы встретились в Берлине с Зигфридом Ленцем, и он меня спросил: что делается на Мазурах? Я сказал: «Отвечу тебе книгой». В «Скиролавках» есть намеки на книги Ленца и других немецких писателей. Например, когда я описываю, как учитель Герман Ковалик надрывается, катя домой татарский камень, это — намек на роман «Краеведческий музей» Ленца. Там тоже есть персонаж, по имени Рогаля, который все время катает этот татарский камень. «Скиролавки» я



написал еще и для того, чтобы ответить Ленцу: вот что происходит на Мазурах. Тут все разлетелось, никакой народной культуры не осталось.

Т. М.: Значит, вы эти мифы знаете не от местных жителей?

— Нет, вот книга — «Обычай, обряды и поверья мазур и вармяр». Откройте сто пятую страницу — там вы найдете все про Клобука.

Т. М.: А почему вы поселились в такой глуши?

— Хоть я по рождению — коренной житель Лодзи, город я не люблю. Потом, это было политическое бегство. Моя жена — еврейка, она, кстати, ребенком была вывезена в Советский Союз во время войны. За два года перед отставкой Гомулки было выступление против его власти. Это приписали проискам сионизма, и начались гонения на евреев. Я не мог выступить ни за, ни против и принял решение уехать.

Т. М.: И с тех пор не занимаетесь политикой?

— Нет. У меня есть друзья и в «Солидарности», и среди коммунистов. В моих книгах тоже нет политики. Я сам был членом ПОРП, но это — долгая история.

Я учился во ВГИКе, в Москве, в 1950—1951 годах. До сих пор помню: на Зацепе, 43, я жил в комнате 04. Каждую субботу тогда наше посольство устраивало «охоту на ведьм». Вызывали по очереди студентов-поляков и спрашивали: нет ли у тебя сомнений? Предполагалось, что поляк, привыкший к другой культуре, должен пережить шок в Советском Союзе. Пусть признается в этом, коллектив ему поможет. (Но чаще таких отправляли в Польшу.) А если скрывает — значит, он неискренен.

А у меня никаких сомнений не было. Я был коммунистом, понимал послевоенные трудности вашего народа, видел вещи трагические. И везде у меня были друзья. Но одна курва, ныне ведущая оппозиционерка, когда ее спросили, знает ли она таких, кто сомневается, сказала: «Ненацки, когда был со мной в Музее западноевропейского искусства, сказал, что понимает картину Пикассо». Я действительно говорил ей, что разложение мира на элементы в картинах Пикассо напоминает мне

расколотую вдребезги действительность. И вот меня в субботу вызвали в посольство. Я не пошел раз, сославшись на болезнь, два... Ту пани уже выслали в Польшу. И я подумал: не буду врать, не буду никого оговаривать. Пошел в НКВД и попросил визу в Польшу. Сказал, что у меня туберкулез. На удивление легко мне визу дали. И после этого руководство ВГИКа обратилось в ЦК партии: почему лучших студентов-поляков отсылают, не дав доучиться? И тогда волна исповедей была приостановлена. В Польше в то время должна была выйти моя первая книга «Мальчишки». Издание было задержано. Меня вызвали Тадеуш Конвицки, Казимеж Брандыс и говорят: «Тебе выпало великое счастье учиться в СССР, а ты его не оценил. Никогда тебя публиковать не будем». А они были в руководстве писательской организации, тогда — сталинисты, а ныне — оппозиционеры. Теперь я в растерянности: те, кто мне не давал тогда печататься, сейчас в оппозиции? А я — коммунист. Как это оценить? Когда они вышли из партии, я из ненависти к ним вступил: если партия очистилась от таких, я могу в нее вступить.

У меня в Москве куча друзей, я приезжаю к вам, я говорю по-русски. В разгар «Солидарности» я написал статью, в которой хорошо отозвался о русских писателях, о России и сказал, что русские никогда не сделали для меня ничего плохого, делали поляки, которые хотели выглядеть большими сталинистами, чем сами сталинисты. Я был в Калининграде, был на Дальнем Востоке. И какие бы глупости у нас ни писали, это не изменит моего отношения к России. Я никогда не давал себя втянуть ни в какую антисоветскую или антирусскую кампанию. На съезде в Монголии я встречался с Проскуриным, он мне рассказывал о политической борьбе в писательской организации. Меня это не касается. Можно ненавидеть НКВД за расстрел в Катыни, можно ненавидеть КГБ. Но народ... Моя жена спаслась в России среди русских. Она питалась кукурузой и сахарной свеклой. И выжила. В Польше бы ей это скорее всего не удалось...





Посильные непосильные размышления

Размышлять о судьбах России и страны сегодня берутся если и не все, то очень многие. Отдельные смельчаки пытаются предлагать те или иные — хорошие или не очень — пути выхода из тупика (в том, что мы в тупике, уже никто не сомневается), открывая забрало и подставляя бок критическим стрелам справа, слева, из центра и еще бог знает откуда. Не давая оценок серьезности и реалистичности этих попыток, скажу: авторов надо не столько клеймить за ошибки (это просто, и это мы умеем), сколько поблагодарить за желание что-то предложить, что-то изменить. За годы перестройки правильных и умных решений было принято довольно много (количество неправильных и глупых в данном случае считать не будем). Но дело, видимо, в том, что за 73 последних года головы наши настраивались на один определенный идеологический лад. И перестроить сей тонкий инструмент многим пока никак не удается. В лучшем случае, отбросив одни идеологические догмы, люди попадают в плен других. В результате ситуация сложилась вполне знакомая по прошлым десятилетиям: все на фронте идеологической борьбы.

Только фронт теперь не совпадает с границами СССР.

Вот и выходит, что спор о том, как накормить, напоить, обути, одеть, убрать урожай, из сферы хозяйственно-прагматической вновь переместился в сферу идеологическую. И никак... Застопорился. Основная масса людей, как правило, на митинги и демонстрации, пусть даже альтернативные, не ходит. И слушать ораторов, витийствующих о светлом будущем, не любит, разве что по телевизору, да и то интерес спадает. С учетом предстоящего перехода к рынку вполне безболезненно можно перестать транслировать парламентские дебаты — никто, кроме самих депутатов, и не заметит. Неужели наши правые, левые и прочие не замечают, что «на ковре» они одни при пустом зале. Люди уже не рассуждают о социализме, коммунизме, капитализме, частной и общественной собственности. В очередях уже давно перешли на личности: долой Полозкова, заменить Рыжкова, Горбачева, союзное правительство в отставку, да и остальным лидерам и правительствам недолго ждать аналогичных призывов — оценок. Думаем, что кредит доверия к правительству России, Моссовету, Ленсовету, другим Советам истечет тем быстрее, чем большее количество талонов будет введено и не обеспечено.

Кто накормит, оденет, создаст хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне — того и поддержат, того и на трон или в президентское кресло.

Дорогие товарищи, дамы, господа, судари, коммунисты и демократы, либералы и кадеты! Пора задуматься: не к диктатуре ли вы нас подталкиваете? Хотя вроде и действуете вопреки и во вред друг другу, а объективно тянете все в одну сторону. И успешно у вас это получается: нам уже и Франко нравится начал, и Пиночет «убивал во благо» — а как живут! Вот вам и размышления. Посильно ли нам понять, куда мы все вместе катимся, и остановиться?

Алексей АНАНЬИН.





**С рынком вас,
товарищи!**



Исповедь на заданную тему

Продолжение. Начало
в № 15—18, 20—24 за 1990 г.

Заявил недавно Рыжков, что прекращается выдача продовольственных пайков, специальный магазин на улице Грановского закрыт. Действительно закрыт, но пайки как выдавались, так и выдаются, только теперь их рассредоточили по столам заказов. Все осталось по-прежнему. Несут водители партийных и советских руководителей, министров, академиков, главных редакторов газет, прочих больших начальников авоськи, нагруженные деликатесами, складывают в багажники черных автомобилей и увозят в дома к своим шефам.

Я пишу эти строки, не зная результатов работы комиссии по незаслуженным привилегиям и льготам. Не знаю, что решит Второй съезд народных депутатов, рассматривая эти вопросы. Но думаю, больше такого бесстыдства не будет. Мы уйдем и, надеюсь, навсегда от кастово-номенклатурного способа распределения благ к цивилизованному, где единственным мерилем всех материальных ценностей будет заработанный рубль. Очень надеюсь на это.

Когда за спиной про меня говорят, что отказался от всех привилегий — дач, пайков, спецполиклиники и прочего — ради популярности, чтобы подыграть чувствам толпы, жаждущей уравниловки и требующей, чтобы все жили одинаково плохо, я на эти слова не обращаю внимания и не обижаюсь. Понятно, кто их говорит и почему. Но есть люди совсем другие — мои друзья, союзники, те, кто хорошо ко мне относятся, — они тоже иногда, особенно когда возникает конкретная ситуация, говорят, например, зачем вам понадобилось отказываться от 4-го Управления? Где теперь лекарства доставать (а я в этот момент как раз простудился), ничего же нет: ни антибиотиков, ни простого анальгина, ни аскорбин-

ки?!

Или вот совсем свежая ситуация. Летом, когда шла сессия, я писал эту книгу урывками: то ночью, придя с заседания, то по воскресеньям, в общем, времени для нормальной, полноценной работы не хватало. В августе были объявлены каникулы для депутатов, и я решил вплотную заняться рукописью. В кабинете это, естественно, сделать невозможно — миллион проблем, дома — тоже, от звонков не уйти, и я решил на пару недель снять дачу под Москвой, там уж меня никто не найдет. И тут выясняется, что в августе снять дачу нельзя, это можно сделать только ранней весной. Начинаются судорожные поиски уже не дачи, а любого маленького домика, где можно уединиться. Каникулы короткие, дорог каждый час. Тогда я много наслушался упреков — вот вы со своей социальной справедливостью и получили по заслугам, нельзя было от государственной дачи отказываться, работать-то ведь негде, книжку бы написали, потом и отказывались сколько угодно... В конце концов домик мы все-таки нашли. Главное достоинство, что очень далеко от Москвы, около двухсот километров. Природа, конечно, замечательная — птицы, лес, грибы. А что касается всех остальных удобств — они на улице. Вот в таких естественных, живых условиях рождается эта книга.

Но, впрочем, я отвлекся. Итак, разговор о привилегиях. Конечно, хочется есть вкусную, здоровую пищу, хочется, чтобы врачи к тебе были ласковы и внимательны, хочется отдохнуть на прекрасных пляжах и так далее. И вполне естественно, отказавшись от всего этого, моя семья тут же столкнулась с множеством проблем, точно таких же, какие возникают в миллионах советских се-



мей.

Вообще, жить, как живет весь цивилизованный мир, очень хочется. И поэтому никогда не пойму Горбачева, который, я уже писал об этом, на съезде гордо произнес, что у него нет личной дачи. Чем здесь гордиться, чему радоваться? Плохо, что нет. Должна быть у Генерального секретаря личная дача, построенная на деньги, заработанные личным трудом, как у рабочего, писателя, инженера, учителя... Но персонально-государственная — это для него лучше.

А пока этого нет, пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчать на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка.

Потому что стыдно.

В связи с этим возникают мысли о нашей стране, о выбранном пути, о причинах низкого уровня жизни, вечного дефицита во всем, о духовности, нравственности, о будущем.

Многих людей волнует вопрос — куда мы идем? Тот ли мы строим дом, который нам нужен и в котором можно если не благоденствовать, то хотя бы сносно существовать? Общество сейчас изо всех сил старается перетряхнуть старые представления и найти единственно верное направление. Поблуждали-то мы уже вдоволь. Но проходы загромождены ложью, всякой догматической рухлядью, и всем нам придется хорошенько поработать, чтобы не потеряться в завалах прошлого.

Если верить учебникам, то социализм мы построили давным-давно, но затем мы его почему-то стали достраивать и наконец построили «окончательно и бесповоротно». Но идеологам показалось и этого недостаточно; тогда они, не без помощи Л. И. Брежнева, провозгласили «развитой социализм». Теперь они ломают голову над тем, как бы обозвать следующий этап. Ведь какая-то формулировка должна же быть. Без этого мы просто не можем. У нас существует, по подсчетам наших теоретиков, если не ошибаюсь, 26 определений советского образа жизни. Очевидно, скоро будет столько же разновидностей социализма.

Если непредвзято сопоставить теорию и практику социализма, то станет ясно: из основных его классических составных частей в жизнь воплощена только одна — обобществление собственности, и то это сделано топорно. Остальных же элементов социализма реально или нет вообще, или они заретушированы до такой степени, что их просто не разглядеть.

Чтобы представлять, куда идем, важно знать: откуда идем? В двадцатых годах Сталин «обрубил» демократический путь и стал насаждать государственно-авторитарный, административно-бюрократический социализм. Демократия была задушена в зародыше, а безгласное общество ничего, кроме карикатуры на самое себя, создать не может. Безгласные люди никогда не смогут договориться между собой. Было очень много устрашающих жестов и полное отсутствие при этом социально-политического диалога между партией и народом. Началось насаждение политического диктата и террора.

Иные перспективы сулил путь демократизации общества, в котором царил бы личный интерес, личная заинтересованность и личная ответственность. Да прибавить бы еще к тому истинный, а не показной хозяйственный расчет. Но увы, этого не случилось: дальнейшая экономическая политика строилась исключительно на основе «общественного интереса». Под его «крышу» подводились все негодные методы хозяйствования, которыми великолепно манипулировали комбюрократы, понимая под словами «общественный интерес» свои личные корыстные цели. Но отнюдь не интересы рабочего, крестьянина.

Сегодня много пишут про обновление нашего социализма. Но это, мягко говоря, плохая защита социализма, ибо можно обновлять то, что уже существует во времени и пространстве. Конечно, если дом построен, его можно как угодно обновлять, достраивать, расширять, реконструировать и т. д. А если его еще нет и в помине? Мое мнение таково: мы социализм только еще строим. Нужна честная, поистине научная теория, которая могла бы обобщить и учесть без спекуляции семидесятилетний опыт нашего бытия.



Догматические представления о социализме не исчезают мгновенно. Еще долгое время они питаются инерцией прошлых лет. Длительная абсолютизация роли экономических факторов развития (в ущерб социально-политическим) сказалась и на общей стратегии перестройки. Экономическая реформа вовремя не была дополнена синхронной (а лучше бы опережающей) перестройкой политической структуры.

Следовало начинать перестройку с партии, ее аппарата. Необходимо было четко определить место партии в обществе и ее главные «направляющие удары». Получилось, что какое-то время мы перестраивали экономику, находясь в плену догм и традиций, пришедших из прошлого, из мертвых концепций, не имея комплексного пакета законов о собственности, о земле, кооперации, аренде, налоговой системе, новой системе ценообразования.

Сегодня, ускоряя политическую реформу, мы пытаемся наверстать упущенное. Даже то небольшое, что сделано, привело к заметной политизации общественного сознания. В политику активно включается народ.

Народная политика, начавшись с народной дипломатии, расширила сегодня арсенал своих средств, форм и методов. Общественная жизнь была буквально взбудоражена забастовками и созданием забастовочных комитетов. Развивается народная пресса в виде изданий самостоятельных организаций: «неформалов», фондов, инициативных групп и т. п. В ряде республик и регионов сформировались и действуют народные фронты, зачастую их считают чуть ли не новой политической партией в обществе. Я за создание народных фронтов, но при условии, что их программа и действия не противоречат общечеловеческим ценностям. В Прибалтике народные фронты поставили вопросы, от решения которых партия уходила. Имею в виду национальные проблемы.

Перестройка всколыхнула людей,

разбудила их созидательную энергию, позвала к социальному творчеству. Важно, чтобы найденные формы народной политики заняли достойное место в обществе. Они должны консолидировать всех, кто обеспокоен судьбами страны, кто стремится к истинно демократическому устройству. Устранение из борьбы за перестройку инакомыслящих ослабит формы народного движения. За инакомыслие надо платить людям тринадцатую зарплату, иначе наше безвольное единодушие доведет нас до еще более безнадежного застоя. И особенно следует поощрять разномыслие в момент критического положения — тут каждое новое слово, каждая новая мысль — дороже золота. И вообще, разве можно отказать человеку в праве на свою мысль?!

ХРОНИКА ВЫБОРОВ

13 марта 1989 года

Только что состоялись теледебаты. Мы учимся у цивилизованных стран традициям современных выборов, вот и у нас появилась даже такая штука, как теледебаты.

Непросто все это. Камера сковывает, заставляет держаться не совсем естественно. А еще ведь знаешь, что это прямой эфир.

Ну и плюс ко всему прочему, это была моя первая встреча с москвичами по телевидению после того, как меня сняли с поста первого секретаря Московского городского комитета партии. Это тоже лежало грузом на плечах. Хотелось, чтобы люди увидели, что я в нормальной форме и, в общем, смог вполне достойно пережить то, что происходило со мной в последние полтора года.

Ну а если совсем серьезно к выборам подходить, то умению держать себя на телеплощадке надо учиться. Это своя особая форма контакта с избирателями, она никакого отношения к традиционным встречам с избирателями не имеет. Там жизнь, дыхание зала, реакция на каждое слово, жест, ты чувствуешь все это, энергия людей



передается тебе, от тебя — людям... А здесь на тебя смотрит холодный стеклянный глаз телекамеры, в нем отражается только свет и ты сам, и как-то нужно представлять за всем этим реальных людей, сидящих дома, пьющих чай, слушающих внимательно и вполуха... Но, впрочем, все это теория. А на самом деле все происходило так. Мы приехали в Останкино где-то за полчаса до начала передачи. Посидели, поговорили с ведущим о том, как пойдет передача. Он в двух словах сообщил о характере телефонных звонков в телестудию. А по условиям теледебатов каждый кандидат должен ответить на несколько вопросов москвичей. Вопросы должен был отбирать ведущий.

Начался прямой эфир. Со своей программой выступил Ю. Браков, затем десять минут были даны мне. Еще раз повторяюсь, держался и говорил скованнее, чем обычно. Но тем не менее за десять минут изложил телезрителям свою предвыборную программу.

Конечно, не очень приятно, когда кого-то в чем-то подозреваешь, но подбор вопросов, надо честно сказать, поражал. Бракову задавались спокойные, обычные, большей частью сугубо производственные вопросы, про ЗИЛ, про будущее завода, ну и так далее. Мне же опять приходилось отбиваться от нападков. Я внутренне заводился, но, может быть, это и на пользу пошло, стал говорить более эмоционально и напористо.

Понятно, что ведущий с целью обострения позиций может отбирать вопросы на свой взгляд. Но почему-то он умудрился зачитать мне записки от людей, которых (как потом проверили журналисты) вообще в столице не существует или они существуют, но вопросов никаких не задавали. Ну вот только один пример. Ведущий читает: «Почему вы, Борис Николаевич, все время работаете на публику? Даже ваши рядовые посещения поликлиники сопровождаются журналистами, кинохроникой?..» Вопрос задал такой-то, по такому-то адресу проживающий.

И действительно, в это утро я становился на учет в районную поликлинику, куда прикрепился, уйдя

из 4-го Управления. Кстати говоря, помню, когда регистратор, такая пожилая женщина, записывала мои данные — адрес, возраст, место работы и т. д. — и на ее вопрос о должности я ответил — министр, она даже ручку чуть не выронила. А потом произнесла: «Первый раз в жизни живой министр в районке регистрируется»... Ну так вот, только я вышел из дома, у подъезда уже караулит съемочная группа. Тележурналисты сняли, как я вошел в поликлинику, как вышел оттуда, но и все. Самое интересное, что происходило это в восемь часов утра, до поликлиники идти минут пять, в общем, надо было специально следить за каждым моим шагом, чтобы успеть заметить, как в это утро кто-то снял мой рядовой поход в поликлинику.

На теледебатах я ответил таким образом, что мне самому уже смертельно надоели журналисты, фотокорреспонденты, кино- и телеоператоры, которые не дают мне проходу, но, видимо, это их надо спросить, почему они все время рядом со мной. Наверное, то, что они меня так долго не могли снимать, долго не было информации, и вызывает ненужный ажиотаж...

Но это еще не все. На следующий день как раз та самая телегруппа, чувствуя, что, не желая того, подвела меня, поехала по тому адресу, который был указан, отыскала человека, проживающего по нему, и... Все правильно — никому он не звонил, ни о чем не спрашивал и вообще понятия не имеет ни о какой поликлинике. В конце он только попросил передать: пусть Борис Николаевич не беспокоится, я буду голосовать за него. Ребята сняли все это на видеокассету и подарили мне.

Мои доверенные лица таким же образом проверили часть адресов, картина была в основном одинаковая — либо люди с такими фамилиями не проживают, а если проживают, то никаких вопросов не задавали.

Вот в таких забавных теледебатах я участвовал.

Из сотен записок на эту закрытую раньше тему трудно выбрать 2—3 вопроса.



ИСПОВЕДЬ...

Борис
Ельцин

Октябрьский (1987) Пленум ЦК КПСС, о котором потом было столько разговоров, засекреченный, таинственный.... Пленум, на котором я все-таки взял слово и выступил. Потом часто сам себя спрашивал, а был ли возможен другой вариант, насколько жесткой была необходимость резко рвать, идти на конфликт, на скандал, на такие катастрофические изменения в собственной жизни? А что у меня существует реальный шанс не выдержать предстоящую экзекуцию, я отдавал себе в этом отчет. Итак, зачем мне это было надо?

По прошествии почти двух лет я могу совершенно определенно сказать, да, то мое выступление было необходимо, оно как бы закладывалось всей логикой последних событий. Все купались в восторгах и эйфории от перестройки и при этом не хотели видеть, что конкретных результатов нет, кроме некоторых сдвигов в вопросах гласности и демократизации. Вместо реального и критического анализа складывающейся ситуации на Политбюро все громче и отчетливей звучали словословия в адрес Генерального секретаря. Мой конфликт с Лигачевым дошел также до своего логического предела. Для того чтобы решать в Москве самые наболевшие вопросы, нужна была помощь всего Политбюро: столица — такой сложный конгломерат, в ней все так завязано и переплетено, что без общих усилий дело бы не сдвинулось. Но последнее время, наоборот, я все отчетливее ощущал активное нежелание помочь городу в решении назревших проблем.

Можно ли было в таких условиях работать дальше? Можно, но только для этого надо было стать другим — прекратить высказывать свою точку зрения, не замечать, как страна скатывается в пропасть, но при этом гордо восклицать, что партия, как и ее Генсек, — организатор,

вдохновитель и — что там еще? — архитектор перестройки.

Кто бы знал, как меня выводят из себя эти лицемерные лозунги! Сначала партийно-бюрократический аппарат, прикрываясь партией, развалил страну, а теперь, когда уже деваться некуда, приходится в прогнившей системе что-то менять, они кричат — не трожь партию, она архитектор перестройки. Как же ее не трогать, если еще с детского сада всем известно, что все свои достижения мы должны связывать с ее именем? Да и вообще, вдохновляющая и организующая ее роль записана в 6-й статье Конституции СССР. Так кто же виноват в том, что творится? Новая историческая общность — советский народ? Или все-таки тот, кто семьдесят лет организовывал и вдохновлял? Каждый день со всех сторон слышится заклинание партийных аппаратчиков — авторитет партии незыблем! Не дозволим прикасаться к партии вашим грязным рукам!..

За два года после октябрьского Пленума ЦК общество прошло огромный путь, люди осознали свою роль — не винтиков, а личностей, началось народное наступление на партийных бюрократов, и те вынуждены судорожно и испуганно защищать свое более чем шаткое положение. А тогда, когда я понял, что надо выступать, в те времена позволялось критиковать лишь то, что не задевало основ и конкретных высоких фамилий. Генеральный секретарь — это был все равно что царь-батюшка, выражать хоть какие-то сомнения по поводу его действий было немыслимым партийным святотатством. Генсеком можно было только восхищаться, радоваться, что выпало счастье вместе с ним работать, трудиться, разрешалось слегка переживать, что такой скромный и не позволяет себя хвалить, ну и так далее...

Когда я шел на трибуну, конечно же, не думал, что мое выступление станет каким-то шагом вперед, поднимет планку гласности, сузит зону вне критики и так далее... Нет, об этих вещах не думал. Важно было собрать волю в кулак



и сказать то, что не сказать не могу.

Я уже рассказывал, у меня не было написанного выступления, на маленьком листочке бумаги подготовил тезисы.

И поэтому сейчас свое выступление цитирую по журналу «Известия ЦК КПСС».

«Ельцин: Доклады, и сегодняшней и на семидесятилетие, проекты докладов обсуждались на Политбюро и с учетом того, что я тоже вносил предложения, часть из них учтена, поэтому у меня нет сегодня замечаний по докладу, и я его полностью поддерживаю.

Тем не менее я хотел бы высказать ряд вопросов, которые у меня лично накопились за время работы в составе Политбюро.

Полностью соглашусь с тем, что сейчас очень большие трудности в перестройке, и на каждого из нас ложится большая ответственность и большая обязанность.

Я бы считал, что прежде всего нужно было бы перестраивать работу именно партийных комитетов, партии в целом, начиная с Секретариата ЦК, о чем было сказано на июньском Пленуме Центрального Комитета партии.

Я должен сказать, что после этого, хотя и прошло пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы Секретариата ЦК, стиля работы т. Лигачева.

То, что сегодня здесь говорилось, Михаил Сергеевич говорил, что недопустимы различного рода разносы, накачки на всех уровнях, это касается хозяйственных органов, любых других, допускается именно на этом уровне, это в то время, когда партия сейчас должна как раз взять именно революционный путь и действовать по-революционному. Такого революционного напора, я бы сказал, партийного товарищества по отношению к партийным комитетам на местах, ко многим товарищам не чувствуется. Мне бы казалось, что надо: делай уроки из прошлого, действительно сегодня заглядывай в те белые пятна истории, о которых сегодня говорил Михаил Сергеевич, — надо прежде всего, делая выводы на сегодняшний день, делать выводы в завтрашнее. Что же нам делать? Как

исправлять, как не допустить то, что было? А ведь тогда просто дискредитировались ленинские нормы нашей жизни, и это привело к тому, что они потом, впоследствии, ленинские нормы, были просто в большей степени исключены из норм поведения жизни нашей партии.

Я думаю, что то, что было сказано на съезде в отношении перестройки за 2—3 года — 2 года прошло или почти проходит. Сейчас снова указывается на то, что опять 2—3 года — это очень дезориентирует людей, дезориентирует партию, дезориентирует все массы, поскольку мы, зная настроения людей, сейчас чувствуем волнообразный характер отношений к перестройке. Сначала был сильнейший энтузиазм — подъем. И он все время шел на высоком накале и высоком подъеме, включая январский Пленум ЦК КПСС. Затем, после июньского Пленума ЦК, стала вера как-то падать у людей, и это нас очень и очень беспокоит, конечно, в том дело, что два эти года были затрачены на разработку в основном всех этих документов, которые не дошли до людей, конечно, и обеспокоили, что они реально за это время и не получили.

Поэтому мне бы казалось, что надо на этот раз подойти, может быть, более осторожно к срокам провозглашения и реальных сроков перестройки в следующие два года. Она нам дастся очень и очень, конечно, тяжело, мы это понимаем, и даже если сейчас очень сильно — а это необходимо — революционизировать действия партии, именно партии, партийных комитетов, то это все равно не два года. Мы через 2 года перед людьми можем оказаться, ну, я бы сказал, с пониженным авторитетом партии в целом.

Я должен сказать, что призыв все время принимать поменьше документов и при этом принимать их постоянно больше — он начинает уже просто вызывать и на местах некоторое отношение к этим постановлениям, я бы сказал, просто поверхностное, что ли, и какое-то неверие в эти постановления. Они идут одно за другим. Мы призываем друг друга уменьшать институты, которые бездельничают, но я должен ска-



зять на примере Москвы, что год тому назад был 1041 институт, после того как благодаря огромным усилиям Госкомитетом ликвидировали 7, их стало не 1041, а 1087, за это время были приняты постановления по созданию институтов в Москве. Это, конечно, противоречит и линии партии, и решениям съезда, и тем призывам, которые у нас есть.

Я думаю еще об одном вопросе, но здесь Пленум, члены Центрального Комитета партии, самый доверительный и самый откровенный состав, перед кем и можно, и нужно сказать все то, что есть на душе, то, что есть и в сердце, и как у коммуниста.

Я должен сказать, что уроки, которые прошли за 70 лет, — тяжелые уроки, были победы, о чем было сказано Михаилом Сергеевичем, но были и уроки. Уроки тяжелых, тяжелых поражений. Поражения эти складывались постепенно, они складывались благодаря тому, что не было коллегиальности, благодаря тому, что были группы, благодаря тому, что была власть партийная отдана в одни-единственные руки, благодаря тому, что он, один человек, был огражден абсолютно от всякой критики.

Меня, например, очень тревожит — у нас нет еще в составе Политбюро такой обстановки, а в последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов Политбюро, от некоторых постоянных членов Политбюро в адрес Генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это недопустимо, именно сейчас, когда закладываются самые демократические формы отношения принципиальности друг к другу, товарищеского отношения и товарищества друг к другу. Это недопустимо. Высказать критику в лицо, глаза в глаза — это да, это нужно, а не увлекаться славословием, что постепенно, постепенно опять может стать «нормой», культом лич-

ности. Мы этого допустить не можем. Нельзя этого допустить.

Я понимаю, что сейчас это не приводит к каким-то уже определенным, недопустимым, так сказать, перекосам, но тем не менее первые какие-то штришки вот такого отношения уже есть, и мне бы казалось, что, конечно, это надо в дальнейшем предотвратить.

И последнее (пауза).

Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другое, может быть, просто и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум».

Сказав все это, я сел. Сердце мое гремело, готово было вырваться из груди. Что будет дальше, я знал. Будет избиение, методичное, планомерное, почти с удовольствием и наслаждением.

Даже сейчас, уже столько времени прошло, а ржавый гвоздь в сердце сидит, я его не вытащил. Он торчит и кровоточит. Тут мне, наверное, даже самому себя сложно понять. Неужто я ждал другой реакции от нынешнего, в большинстве своем консервативного состава ЦК? Конечно, нет. Будущий сценарий был предельно ясен. Он готовился заранее и, как я сейчас понял, независимо от моего выступления. Горбачев, так сказать, задаст тон, затем ринутся на трибуну обличители и станут обвинять меня в расколе единства, в амбициях, в политических интригах и т. д. Ярлыков будет так много, что хватит на целую оппозиционную партию. Жаждающих засвидетельствовать свое рвение в моральном уничтожении «заблудившегося коллеги по партии» окажется даже слишком много, и выступающих придется сдерживать.

Продолжение следует.



Самиздат И вокруг него

ХРОНИКА НОВОЙ ПЕЧАТИ

Вот уже полгода, как принят Закон СССР о печати, и больше пяти месяцев, как он начал действовать. За это время в киосках и на прилавках «Союзпечати», на многочисленных столиках и лотках, у мальчишек, мужиков и дедушек-газетчиков появилось огромное количество новых периодических изданий, в море которых можно уже и утонуть.

Да, я снова возвращаюсь к нему, ранее запретному и сладкому — такому, что не жалко было пяти лет зоны за пять прочитанных страниц, к нему, победившему на выборах-89 в Москве десятимиллионную «Правду» и весь Центральный Комитет издающей ее партии, к нему, который сегодня может войти уже в каждый дом — только открой дверь и выйди с фонарем на крыльцо... Я возвращаюсь к самиздату и тому, что вокруг него.

Покупая сегодня в подземном переходе свою любимую «Панораму», листая эти вполне типографские страницы и рассматривая опубликованные на них фотографии, я вспоминаю, как в 1984-м мы с подругой разглядывали через увеличительное стекло негативы и считывали с них на магнитофон (неопрровержимое доказательство нашего преступления по статье 190-1!) «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Я вспоминаю, как в 1987-м мы с друзьями сделали (в 20 экземплярах) первый номер не зависимо ни от кого, кроме нас, журнала, а через 20 дней нас по одному стали вытягивать в КГБ — и именно тогда к глубокой и давней, идущей «от головы» ненависти к «конторе» у меня прибавился и личный счет (так повезло нашей семье, что при Сталине никто из родственников не погиб в лагерях). Я вспоминаю, как, сами ходя «под Богом», мы еще до легализации «Солидарности» ночами печатали листовки в домашней фотолаборатории — чтобы плюнуть в лицо Генералу в темных очках, чтобы сказать всем, кто их прочтет, что в России помнят о крови, которую он пролил в своей стране. Я вспоминаю, наконец, тот миг торжества, когда в июне 1989-го на митинге в Лужниках люди выстраивались в двухчасовую очередь, чтобы купить наш, отпечатанный на плохонькой бумаге «Независимый вестник» — первую многотиражную газету нового российского самиздата. Я вспоминаю все это, и мне становится грустно — потому что теперь то, что давалось нашим отцам — кровью, нам — стиснутыми зубами, продается с лотков рядом с отвисшими грудями Саманты Фокс и двумястами способами совокупления — и расходуется гораздо хуже,



чем «груди» и «способы».

Однако жизнь не стоит на месте, каждый делает свой выбор. Делаю его и я. О чем сегодня, крайне субъективно, пристрастно, пробую рассказать.

Нынешнее положение на рынке печати можно охарактеризовать как переходный период. Постепенно начинает складываться то, что некоторые эксперты предсказывали еще год назад, — единое информационное поле, на котором конкурируют между собой «старая», государственная печать, новая, коммерческая пресса, благодаря мощной финансовой поддержке спонсоров или учредителей взявшая «с места в карьер» («Коммерсантъ», «Деловой мир» и др.), и отчасти некоторые издания старого самиздата — те немногие, кому удалось выжить, но тревога за дальнейшее существование которых не проходит. Есть в этом неизбежном процессе и свои жертвы, иногда очень обидные. Так, страшно жаль «Хронограф», который в течение двух лет оставался одной из лучших неформальных газет. Уже первые номера его были замечены и даже удостоились отдельной статьи в «Русской мысли», где собралась интеллектуальная элита эмиграции. Два года спустя в своеобразной эпитафии «Хронографу» его основатели писали: «В незапамятные времена, весной 1988 года, когда на свете еще не было не только всеми любимого органа «Свободное слово», но и самой партии Демократический союз, бомж Вячеслав Игрунов, безработный Сергей Митрохин, сторож Владимир Прибыловский, мелкий служащий Дмитрий Леонов и подпольный миллионер Григорий Пельман придумали «Хронограф». <...> Главное, что было важно на тот период для большинства изданий (неформальных. — «Пульс»), — это разоблачение ужасов коммунизма. На этом фоне «Хронограф» с его установкой на объективную и детализированную информацию был белой вороной. Как сказал один из отцов — основателей «Хронографа», В. Прибыловский, «наш принцип — описывать событие объективно и не скрывать ничего смешного». А смешного, нелепого и абсурдного в неформальной жизни всегда было

хоть отбавляй. Это и понятно — ведь жизнь неформальной тусовки была, как ни крути, частью советской действительности и хотя бы поэтому не могла избежать совкового абсурда» («Панорама», 1990 № 12 (24)). К таким потерям привыкаешь не сразу, хотя они не редки, и постепенно понимаешь, что уходит целая эпоха — темная, безгласная, но не лишенная некоторого очарования искренности.

Конечно, самиздат не умрет. Всегда будут существовать небольшие газетки и журнальчики литературных студий и клубов по интересам, школьных и студенческих компаний, издания небольших политических групп, создаваемые для пропаганды обычно довольно экзотических идей или пробы пера участников данного «издательского предприятия». Эти часто очень милые, а иногда злобные «органы печати» будут рождаться и умирать, возможно, будут жить долгие годы, не выходя за рамки узкого круга своих читателей.

Но уже сейчас есть ряд изданий, давно вышедших из этого круга. При желании их можно достать практически в любой точке Союза ССР — либо в продаже, либо, обратившись в редакцию, получить по подписке. Тем не менее тиражи их пока сравнительно невелики, они, как правило, никем не финансируются извне и часто еле сводят концы с концами, несмотря на неплохое качество публикаций. Таковы прежде всего «Экспресс-Хроника», «Панорама», «Община», «Содействие», а также некоторые русскоязычные издания «прибалтиздата».

Печально, что рижская «Атмода», весной прошлого года переименованная в «Балтийское время», весь 1989 год бывшая для отечественной образованной публики окном не только в Европу, но и в саму Россию, на Украину, в Белоруссию, так как не скупилась на репортажи, информации и комментарии, посвященные событиям срединных частей империи, замалчиваемым официозом, сейчас все чаще дает на первых страницах фото голых девочек, а на последних — материалы о гомосексуалистах, онанистах и проституции в домах престарелых на Западе. Ничего не имею против красиво снятой «обнаженки», тем более когда это



делают такие мастера жанра, как Ньютон, не возражаю и против нестандартного сексуального поведения, если оно не наносит вреда окружающим. Просто констатирую, что уважаемое в прошлом издание решило, видимо, полностью сменить читательский контингент, ежели допускает на своих страницах уже не налет, а целые потоки бульварщины.

Примером профессионализма может служить «Панорама». С момента основания газеты, в апреле 1989 года, качество ее содержания и полиграфического исполнения непрерывно растет. Газета, с первого номера объявившая своей главной задачей «обзор проблем общественной жизни», уже летом 1990-го стала издаваться офсетным способом. Журналисты «Панорамы» не состоят ни в одной из политических партий и организаций, хотя газета в целом придерживается позиций, которые можно назвать либеральными. Сильной стороной «Панорамы» является то, что она подает материал возможно более объективно, стремится получать информацию из первых рук, даже если за этим надо отправиться в пылающее Закавказье или неспокойную Галичину. Беспристрастный, нелицеприятный стиль газеты импонирует читателям и... разогревает злобу у недругов. Так, весной и летом 1990 года у двух членов редакции «Панорамы» были сожжены квартиры (накануне первого поджога приходили письма с угрозами, подписанные «русскими патриотами»). Милиция же фактически умыла руки.

Заслуженным авторитетом пользуется в неформальных кругах, а теперь уже и не только в них, еженедельник «Экспресс-Хроника», основанный 1 августа 1987 года Александром Подрабинеком и его коллегами. В прошлом один из создателей «Рабочей комиссии по исследованию использования психиатрии в политических целях», автор книги «Карательная медицина», за которую провел несколько лет в тюрьмах и лагерях, Александр Подрабинек остался верен правозащитной тематике. Именно большой раздел, посвященный правам человека, и масса коротких оперативных сооб-

щений из разных уголков страны выделяют эту газету, именно благодаря этому популярность ее не снижается до сих пор: ведь не секрет, что нарушения прав человека — это все еще наша повседневная реальность.

Среди журналов можно отметить «Общину» — историко-политическое издание московских анархо-синдикалистов. Проводя определенную политическую линию, высказываясь по актуальным вопросам современности, «Община» никогда не забывает об истории, из которой, как кажется, никто так и не извлекает уроков. Возобновленный (так считает редакция, поскольку первая анархистская «Община» выходила еще в 1878 году) осенью 1987 года журнал первым сорвал печати с таких ранее запретных тем, как Венгрия-56, Чехословакия-68, Польша-80, первым рассказал о новочеркасском расстреле 1962 года, о подлинных целях Кронштадтского восстания 1921 года, с фактами в руках заговорил о красном терроре (в частности, о таком ужасном событии, как расстрел астраханских рабочих из артиллерии в 1919 году, учиненный по распоряжению будущей «невинной жертвы» Сталина — Сергея Мироновича Кирова). «Община» постаралась вернуть добрые имена таким видным деятелям освободительного движения, как М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, Н. И. Махно. Благодаря такому уклону в историю «Община» читается не только «новыми политиками», но и историками, всеми, кому интересно прошлое нашей страны. Более того, известны случаи, когда молодые учителя давали историю в школе не по учебнику, а по «Общине»!

Заканчивая этот первый из серии обзоров новой печати, хочу еще раз подчеркнуть, что взгляд мой субъективен. Тем же, кто заинтересуется темой, предлагаю читать наше приложение «Пульс-информ», в котором мы поподробнее познакомим читателя с наиболее интересными текстами из самиздата, а также присылать заявки — с какими направлениями и изданиями новой печати вы хотели бы познакомиться в следующих номерах «Пульса».

Влад ТУПИКИН.





ДЕЛОВОЙ КЛУБ «БУМЕРАНГ»



**БОЖИЙ
ДАР НА
БУДНИЙ ДЕНЬ**



Презентация новой рубрики! Вы — в числе приглашенных! Отутюженный фрак, накрахмаленный воротничок и новомодным узлом затянутый галстук не обязательны. Изысканный «а-ля фуршет», приправленный пикантной беседой и заморской сигарой, ослепительно-солидный «кейс» и припаркованную за углом «иномарку» оставим для душеласкающих фантазий, рождаемых магической энергией потусторонних видеомиров. А пока...

Вы давно и страстно мечтаете о карьере менеджера? Или еще не знаете, чем заняться в пугающе неопределенном завтра, но однозначно не желаете прозябать на окраине чужого успеха? Новая рубрика журнала — ваша рубрика! Впрочем, клуб «Бумеранг» ждет и тех, кто легкомысленно расходует свои способности и силы на содержание всепожирающей лени, не задумываясь, что время, упущенное сегодня, обернется в будущем горькой безысходностью и бесполезной завистью.

Нам же остается предоставить слово ведущему рубрики ГЕОРГИЮ ГАИЦГОРИ, ДИРЕКТОРУ СОЗДАННОЙ ПРИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОМ ФОНДЕ «КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА» ДЕТСКОЙ ШКОЛЫ МЕНЕДЖЕРОВ, своеобразный заочный филиал которой и решено открыть в нашем «Деловом клубе». При этом мы намеренно отказываемся от обязывающего слова «урок», предпочитая менее навязчивое и более демократичное — разговор, из которого каждый может взять для себя что-то полезное, а может — тут же забыть, не утруждая себя лишними заботами. И, разумеется, никакой «обязаловки» с домашним заданием: диалог — дело сугубо добровольное. Мы же, в свою очередь, надеемся, что он непременно состоится!

«До тех пор, пока мы ждем от законодательства, что оно уврачует бедность и устранил из мира привилегии, нам суждено созерцать, как растет бедность и умножаются привилегии... Помощь придет не из Вашингтона, а от нас самих, более того, мы сами, может быть, в состоянии помочь Вашингтону» — непревзойденный король автомобильной индустрии и один из классиков управления Генри Форд написал эти пророческие слова в начале нынешнего столетия. Если произвести несложную замену — Москва вместо Вашингтона, — можно с уверенностью сказать, что смысл вышеприведенной цитаты окажется для нас весьма актуальным. В чем я абсолютно солидарен с Г. Фордом, так это в том, что не стоит ждать милости от государства, бессмысленно надеяться на «спущенное сверху» благоденствие. Вытаскивать страну из болота доисторической нецивилизованности предстоит нам с вами. Понимая, что завтрашний предприимчивый высокообразованный специалист вырастет из сегодняшнего энергичного, стремящегося к образованию тинэйджера, мы поспешили создать при Дирекции фонда «Культурная инициатива» Детскую школу менеджеров для ребят 14—17 лет.

Вы, вероятно, спросите: а почему именно менеджеров так дружно взялись сегодня готовить новоявленные «учебные заведения», в том числе и наше? Действительно, еще



вчера эта профессия считалась экзотической «принадлежностью» мира наживы и капитала. Управлением в стране занимались зачастую люди малокомпетентные, зато «политически грамотные». Децентрализация экономики и первые, пусть пока робкие шаги к рынку заставили, к всеобщему ужасу, увидеть зияющую дыру в той части общества, где должен находиться слой высококлассных менеджеров — специалистов, способных грамотно и с успехом решать самые разнообразные управленческие задачи, причем не только в области производства. Наука, культура, спорт... — ни одна из сфер жизни цивилизованного общества не может развиваться нормально без такого рода профессионалов, удручающе-заметное отсутствие которых иностранные предприниматели называют в числе главных причин отказа от широкого сотрудничества. Закономерно возникает вопрос: где их взять? — в другой плоскости звучащий более привлекательно: как ими стать?

Французская газета «Либерасьон» опубликовала недавно результаты опроса, проведенного с целью создания портрета «идеального» менеджера. Главным слагаемым успеха (хотя далеко не единственным) большинством голосов был признан «дар божий». В этом, пожалуй, нет ничего удивительного: определенные способности необходимы для любой работы — завышка лишь в том, что не всегда удается найти свое место и воспользоваться по максимуму тем, чем одарила природа. Но особенно обидно, согласитесь, не заметить в себе таланта к деятельности, дефицит которой так болезненно ощущается в обществе. Впрочем, даже самокритичный анализ своего характера дает немало пищи для размышления. Поэтому попробуйте для начала доказать себе (аргументированно!), что все нижесказанное в самом деле относится к вам. Только не занимайтесь самогипнозом — лучше хорошенько разберитесь, чего и почему вам не хватает для «положительного эффекта». Итак:

— вы общительны, легко входите в контакт с любым человеком;

— вам по плечу ноша лидера, во всякой компании вы скорее заводила, нежели покорный исполнитель чьей-то воли;

— вы способны предсказывать ход событий, прогнозировать, просчитывать варианты;

— предпочитаете планировать свои действия и намеченное выполнять;

— стараетесь даже в самых худших ситуациях не врать себе;

— умеете отстаивать свою точку зрения, при этом не отменяя как абсолютно не стоящее внимания чужое мнение;

— вы в меру самокритичны, просчеты и ошибки обязательно подвергаете анализу...

Переведем, однако, дыхание. Насколько будничная жизнь сложнее любых идеальных схем, настолько трудно разграничить черты характера, определяемые генами, и те качества, что формируются условиями среды и собственной силой воли. Предпосылки к тому, чтобы стать хорошим менеджером — совсем не гарантия, что именно это и произойдет. «Подаренные» природой преимуществ должны еще, образно говоря, переплавиться в качества профессиональные. О последних говорить можно долго, но несколько отличительных черт настоящего МЕНЕДЖЕРА мне хотелось бы сейчас привести.

Он никогда не жалуется, все, что ему потребуется, способен достать сам: добыть, уговорить, уломать, организовать, заставить, одним словом, сделать из ничего;

— не гонится за регалиями, учится управлять организацией из любой точки, с любой служебной позиции, а если в интересах дела ему и нужна какая-то должность, он берет ее, как яблоко с ветки;

— он радуется неудачам, потому что те заставляют его двигаться вперед, и знает, что нет худа без добра;

— учится у всех: у ребенка, который искусно управляет своими родителями... у рабочего, отлынивающего от малооплачиваемой работы... у Генри Форда, наконец;

— он имеет цель в жизни, любимое дело. Цель его благородна и значительна, полезна народу, стране и человечеству. За другое он и не взялся бы: для профессионала это так же бесчестно, как для сильного парня драка с малышом.

Скажете: чересчур романтично, возвышенно, нереально? Не спешите, однако, с выводами. Поверьте, игнорирование этих «заповедей» ра-



но или поздно приведет вас к «фiasco». Не случайно одной из главных ценностей нашей школы является «горизонтальная карьера» (по терминологии Владимира Тарасова). Это не стремительный взлет по служебной лестнице, не срывание звезд с неба себе на погоны, а рост профессионального мастерства — словом, то, что нельзя ни отнять, ни пожаловать указом свыше. Для менеджера «горизонтальная карьера» абсолютно неотделима от должностей, и первой ее ступенькой служит овладение основными приемами и навыками управления, принятыми во всем цивилизованном мире.

Простейший пример. Человек, ничего не смыслящий в кулинарии, впервые взялся варить манную кашу. Он напряг всю свою фантазию и, испытывая чувство глубочайшего эмоционального удовлетворения, сотворил... такое! Профессионал же, взявшись за ту же задачу, добавил чуть-чуть специй в известный рецепт и приготовил вкуснящее блюдо: с меньшей затратой сил и с большим успехом. Так и менеджер — метод проб и ошибок для него непозволительная роскошь. Он умеет действовать автоматически, используя накопленные «схемы» и стереотипы поведения, не изобретая каждый раз велосипед. Зачем, когда можно сесть на готовый и проехать несколько километров?

Сказанное, как вы понимаете, совсем не означает, что менеджеру чужды творчество, непредсказуемость. Наоборот. Та же газета «Либерасьон» вторым по важности качеством высококлассного специалиста (после «дара божьего») называет неординарность, оригинальная мысль, хорошо развитая интуиция, незаурядный интеллект... Но кто позаботится о вашей эрудиции, кроме вас самих? И кто научит вас мыслить, если вы сами того не захотите? Кстати, даже «невинные» увлечения детства — если это действительно увлечение, а не «заготовка» для ответа на вопрос «ваше хобби?» — обязательно рано или поздно вам пригодятся. Сегодня вы собираете марки и бредите футболом, а завтра... пы-

таясь договориться об аренде помещения, вдруг узнаете, что не слишком любезное «ответственное лицо» — заядлый филателист, и увлекательная беседа на любимую тему спасет вас от грозившего было отказа. Или, познакомившись с представителем итальянской фирмы, которая заинтересует вас как возможный партнер, покорите будущего компаньона знаниями всей «подноготной» обожаемого им футбольного клуба «Реал». Одним словом, мой вам совет: читайте, смотрите, сочиняйте, моделируйте, рисуйте, выдумывайте, занимайтесь спортом... Это всегда воздастся! Ну и, конечно, постарайтесь не запускать школьные предметы. Поймите, сегодня учить «постылую» математику и «незапоминающийся» — ну никак! — английский вам нужно не для того, чтобы иметь в аттестате ласкающие взор отметки. Завтра, а тем более послезавтра скидок на изъяны «всеобщего среднего», на неправильное воспитание в слишком тепличных условиях делать никто не будет. Это при том, что нынешняя «молодая поросль» оказывается в относительно более выгодной позиции по сравнению со велед идущими. Занять свою «нишу» на зияющем огромными пустотами рынке значительно проще, нежели пробиться на рынок, уже заполненный товарами и услугами. Но как бы ни казалось первое привлекательным, а второе — в ближайшее время маловероятным, не сиюминутный, а настоящий успех придет к тем, кто уже сегодня ставит перед собой наивысшие цели. Тот же Генри Форд советовал: неважно, какую продукцию вы выпускаете, важно — чтобы это был самый лучший товар из себе подобных. Вы можете изготавливать пластмассовые пуговицы, но это должны быть такие пуговицы, которым никто окажется не в силах составить конкуренцию. Поэтому привыкайте уже сейчас требовать от себя по максимуму! И главное — не откладывайте на потом практическую проверку своих деловых качеств. Вне жизни — реальной, будничной, вас окружающей и вами создаваемой — любые «кирпичики» и «глыбы» познания так и



останутся строительным материалом, годным разве что для воздушных замков.

Конечно, сегодня трудно себе представить, что какой-нибудь советский мальчишка, начав карьеру в пятилетнем возрасте с торговли лимонадом на улице, к десяти годам станет основателем собственной фирмы по продаже и доставке цветов, как, например, обычный американский школьник Брандон Бозек, приехавший недавно в Москву в составе делегации «Бизнес Кидз» — компании, которая занимается обучением молодых предпринимателей. У нас в стране, к сожалению, пока нет условий — ни правовых, ни чисто психологических — для широкого развития детского бизнеса (хочется верить, перемены здесь не за горами!). Но это вовсе не доказывает, что надо терпеливо ждать наступления зрелого возраста, дабы проявить свои менеджерские способности. Ученический кооператив и центр НТТМ, любительское объединение и своя радиостанция... проведение аукциона и лотереи, конкурса и вечера-встречи... — при желании всегда можно найти поле деятельности, и многие из вас наверняка убедились в том на собственном опыте.

Поэтому у меня предложение — пусть это будет нашим первым, разумеется, добровольным домашним заданием! Напишите нам о «деле», которое вы сами или вместе с друзьями организовали или же пытались организовать (неважно, кооператив ли, диско-клуб или просто какое-то соревнование). Расскажите, как появилась идея, с чего вы начали (подбор команды, подсчет «прибыли», реклама...). Постарайтесь поразмышлять, что удалось, а что нет и почему (не сумели убедить школьную администрацию, не нашли единомышленников среди ребят, не хватило юридических знаний, настойчивости в достижении цели...). Если у вас есть вопросы, на которые вы так и не смогли ответить, или же идея, к которой вы не знаете, как подступиться, — обязательно включите их в домашнее задание. Ну а если ваша «фирма» процветает и вы считаете

свой опыт интересным и полезным для других, не забудьте сообщить подробный адрес.

Я же, со своей стороны, хочу предупредить: постоянные и самые активные члены клуба «Бумеранг» (а все письма будут внимательно прочитаны и оценены в нашей школе) в конце года могут стать участниками конкурса «Начинающий менеджер» — увлекательного двухдневного соревнования, включающего в себя деловые игры, тренинги и даже организацию целого «производства». Впрочем, к этому мы еще вернемся, а пока — будем считать, что открытие клуба состоялось. В следующем номере нас ждет разговор о науке и искусстве управления. А впереди — беседы об основах маркетинга, о культуре общения, имидже, о том, с чего же все-таки начать и что делать... а также — интересные встречи, психологические тесты и многое другое. Надеюсь, бумеранг ваших надежд обернется удачей!



**Боролись,
боролись...
напоролись**



■ Поговорим о деполитизации армии. Позвольте сначала сделать экскурс в современную историю. Требование деполитизации было выдвинуто в ряде программ демократических движений и зарождающихся партий в условиях борьбы за депутатские мандаты. Если коротко, то суть его направлена против продолжения политической деятельности КПСС в армии, на флоте, органах КГБ, МВД, суда и прокуратуры, в государственных учреждениях, а также на производстве. Для этого предлагалось ликвидировать там парткомы и политорганы, распустить партийные организации и впредь их не создавать.

В армии первый «бой» сторонникам деполитизации дал начальник Главного политического управления СА и ВМФ, теперь уже бывший, генерал армии А. Лизичев. В выступлении на мартовском Пленуме ЦК КПСС он решительно заявил: «Коммунисты армии и флота (все без исключения.— *Прим. авт.*) отвергают лозунг деполитизации Вооруженных Сил, который стал главной козырной картой для тех, кто пытается свести на нет влияние партии в армии и на флоте, духовно разоружить личный состав Вооруженных Сил и нанести тем самым неприемлемый ущерб крепости армии и социализма». Извините за длинную цитату, но это как раз тот случай, когда нужно набраться терпения, чтобы выслушать всю аргументацию противников деполитизации. Вкратце она сводится к следующему:

— Разговоры о деполитизации армии — не более чем амбиции, попытка деструктивных сил устранить влияние КПСС в Вооруженных Силах и заменить его своим влиянием. Это недопустимо, так как КПСС — единственная реальная сила, сплачивающая военнослужащих, поддерживающая их высокий моральный дух, уверенность в победе, интернационализм и патриотизм.

— Цель «упразднителей» политорганов и парторганизаций — взорвать основополагающий принцип нашего военного строительства (для тех, кто его не знает, это — руководство КПСС.— *Прим. авт.*).

— Неуместен и сам термин «деполитизация», поскольку армия в любом обществе остается инструментом политики. Политические идеологические институты есть в любой армии мира, особенно в США и других странах НАТО.

— Запрет на деятельность парторганизаций и отмена политорганов в армиях стран Варшавского Договора привели к резкому ухудшению дисциплины, моральному разложению целых соединений.

— Не следует также забывать слова Ленина, что всякие крики о политическом нейтралитете армии в государстве — «гнусная и лицемерная ложь».

Выступая в «Правде» в День рождения Красной Армии, министр обороны СССР поставил две важнейшие задачи. Первая — сохранить роль и место КПСС в армии и на флоте как авангардной, правящей партии. И вторая — давать решительный отпор злобным, демагогическим нападениям на Коммунистическую партию, социализм, политорганы, армию. Вот так.

Немногими из военных, которые высказали иную точку зрения, были бывшие военные (а кто бывшим не был, то очень быстро им становился). Речь идет в первую очередь о «пресловутом» «Щите». Можно по-разному относиться к деятельности этой организации. Но останется фактом, что предложенная в ее «Программных принципах» формулировка о переводе единоначалия на правовую основу стала составной частью проекта военной реформы. Там это звучит как «единоначалие на демократической, правовой осно-



ве» («Правда», 1990, 23 февраля). Но позвольте! Что значит на «демократической»? Ведь это фактически отказ от руководящей роли одной партии в Вооруженных Силах! Значит, многопартийность? Возможно ли это в армии?

Здесь следует упомянуть еще одну категорию военнослужащих, смеющих свое суждение иметь. Это народные депутаты. Майор В. Лопатин, полковник А. Цалко — народные депутаты СССР, подполковник С. Юшенков — народный депутат РСФСР и многие другие коммунисты и вышедшие из КПСС настойчиво добиваются департизации армии. Почему же военные депутаты — конечно, не все — против моно- и многопартийности?

Вот их аргументы:

— Идя навстречу реакционной части партаппарата, военная партократия всеми силами стремится сохранить свое положение в армии и на флоте, рьяно выступает против любых попыток вывода Вооруженных Сил из-под партийного контроля.

— Отмена привилегий КПСС должна начаться с привилегии — руководить армией. Армия не должна быть послушным инструментом в руках какой-либо одной политической группировки. Поэтому в условиях складывающейся в стране многопартийности наличие каких-то парторганизаций в армии — нонсенс.

— Любая партия создается для того, чтобы бороться за власть. И если эти партии будут действовать в армии, появится почва для ее дестабилизации.

— Политизация армии ведет к возрастанию опасности военного переворота. История знает немало примеров участия армии в политической борьбе.

Армия должна служить народу, выбранному им на демократической основе правительству, а не партиям. Конечно, армия — это инструмент политики, но политики государства, а не партии. И не любой политики, а только внешней. Ее главная и единственная задача — защищать Родину от внешнего врага. Ее кадровый состав — офицерский корпус, а в будущем все категории военнослужа-

щих — не должен зависеть от того, какая партия у власти, чтобы не подвергнуться репрессиям за принадлежность к той или иной партии, дискриминации по идеологическим мотивам. О том, что такая дискриминация возможна, наглядно свидетельствует сегодняшней опыт парторганизаций КПСС, когда офицеров преследуют за выход из компартии и членство в других партиях, вплоть до увольнения из Вооруженных Сил. Что же до морального духа, который может якобы угаснуть без коммунистической идеологии, то его вполне смогут поддерживать иные органы воспитания военнослужащих, чья деятельность будет основана на общечеловеческих ценностях, патриотизме, требованиях Присяги.

Приведу еще один подход к проблеме, на этот раз, кажется, с реальных позиций. «Реализация принципа многопартийности в армии вряд ли пойдет на пользу ее боеспособности, организованности и дисциплине. Многопартийность — это политическое соперничество. В армии, хотели бы мы этого или не хотели, — это разброд и идеологические шатания». Трудно с этим не согласиться. Знаете, кто это сказал? Новый начальник Главпура генерал-полковник Н. Шляга. И вывод он делает тоже, исходя из реалий сегодняшнего дня: «Единственной политической силой, самой массовой и организованной, остается в военной среде Коммунистическая партия. XXVIII съезд КПСС высказался за сохранение партии в Вооруженных Силах. Надо это признать как реальность...» Правда, при этом Николай Иванович вполне искренне полагает, что большинство коммунистов армии и флота разделяют ту точку зрения, что в армии право на создание своих организаций должна иметь только правящая партия.

Теперь, уважаемые читатели, кажется, настало время обратиться к беспристрастным данным социологических исследований. Что думают по этому животрепещущему поводу сами военнослужащие? Однако, роясь в подшивках военных газет и журналов в поисках интересующих вас цифр, вы только напрасно потеряете время. Кроме выборочных исследований военного социолога



Ю. Дерюгина, опубликованных в 39-м номере «АиФ» за 1990 год, вы ничего не найдете. Но к дефицитам нам не привыкать. Посмотрим хотя бы здесь. Оказывается, от 60 до 80 процентов офицеров ротного, батальонного и полкового звена — за департизацию. Кому же верить? Может быть, есть «настоящие» данные?

В Центре изучения социальных и психологических проблем Вооруженных Сил при Главпуре СА и ВМФ мне сказали (по секрету), что таких исследований не проводили, потому что не было команды. В одной военной академии я случайно обнаружил неопубликованные данные представительного опроса слушателей и преподавателей (300 человек) по итогам XXVIII съезда КПСС. Лишь 20 процентов безоговорочно поддерживают решения съезда о неприемлемости департизации. Это члены КПСС!

Решил сам поспрашивать, поинтересоваться мнением в московских воинских коллективах. Всего опросил 190 человек, в основном старших офицеров (63 процента) и коммунистов (92 процента). Вот что получилось.

За право правящей партии на создание своих парторганов в армии — 8 процентов. За то же право для всех партий — 6 процентов. Поддерживают полную беспартийность армии — 62 процента. И еще 45 процентов за право на участие в работе парторганов только по месту жительства и в свободное от службы время. (В сумме получилось более 100 процентов, так как некоторые отмечали по два пункта.)

Не следует, конечно, распространять эти данные на все Вооруженные Силы. Правильнее сказать, что они характерны для тех коллективов, где проводился опрос. Где именно? Пока сказать не могу. Потому что обещал, например одному генералу, начальнику политотдела, не раскрывать в печати названия вверенного ему учреждения. Поскольку после этого его на второй день с должности снимут. Ведь он «наверх», товарищу Шляге совсем другие цифры докладывал. И точно так же, уверен, многие другие поступили. Ввели они своего начальника, мягко говоря, в заблуждение... А чтобы этого не

было, военно-социологическая служба должна быть не «при», а «вне» того ведомства, где проводит исследование. Аксиома эта давно известна, но воз и ныне там...

Если вы помните обсуждение Закона об общественных организациях в Верховном Совете СССР, то депутаты-военнослужащие в своих выступлениях, нередко ссылаясь на различные проведенные в армейской среде опросы, приводили опровергающие друг друга данные. Воистину есть полуправда, есть ложь и есть статистика. Не мешало бы и нашему парламенту иметь независимую социологическую службу. Но это так, на будущее.

Безусловно, каждое решение должно быть обосновано с экономической, политической, юридической точек зрения. Но есть еще подход с позиций психологических. Их же законодатели почему-то всегда игнорируют. Как с этих позиций видится проблема партийного влияния в армии?

Важнейшее свойство воинских коллективов — сплоченность. Раньше в армии и на флоте роль сплачивающей силы выполняла КПСС. Ее цели совпадали с целями государства. Поэтому противоречий не возникало. Иное дело сейчас. Простая логика подсказывает, что в условиях равенства всех партий перед Законом выход только один — департизация. И компромиссы здесь попросту неуместны. Поэтому я, как военнослужащий, выступал бы за поправку Сергея Станкевича: «Не допускается создание и деятельность организаций, партий в Вооруженных Силах, органах государственной безопасности, внутренних дел, прокуратуры, государственного арбитража и суда». Выступал бы, если бы меня об этом спросили.

Жорж СЕНОКОСОВ,
подполковник, член военного
отделения Советской
Социологической Ассоциации,
кандидат психологических наук.

P.S. Говорят, после драки кулаками не машут. Закон о партиях принят. «Военнослужащие... в своей служебной деятельности руководст-



вуются требованиями закона и не связаны решениями партий... в состав которых они входят». Деятельность партий и других общественных организаций будет осуществляться в нерабочее время и за счет этих организаций.

Депутаты-коммунисты не смогли поступиться своими партийными принципами. С 1 января 1991 года мы имеем в армии и других государственных структурах ту самую многопартийность, невероятность которой была столь очевидной. Причем многопартийность под руководством КПСС. Ибо только эта партия имеет реальную власть в Вооруженных Силах и правоохранительных органах и, конечно, не допустит чрезмерного распространения иных партий и идеологий. Механизм-то известен. Не лучше ли было законодательно, без столь тонких ухищрений, закрепить руководящую роль КПСС? Для армии это принесло бы куда больше пользы, чем куцая многопартийность с ее почти подпольной борьбой за влияние в армейских коллективах, интригами и заговорами. Нам, право же, вот только этого еще и не хватало...

Что же до приписки о деятельности партий лишь в «нерабочее время», так она ничего не меняет, так как партийные организации функционируют не по месту жительства, а в штабах и казармах. Хочется задать вопрос: вы зачем шли в армию? Чтобы стать профессионалом или приобретать навыки межпартийной борьбы? И зачем вам вступать в другие партии, если вы знаете, что руководство, от мнения которого зависит ваше продвижение по службе, все сплошь члены КПСС... Так-то.

Закон принят. Но проблемы недопущения дальнейшей политизации Вооруженных Сил и правоохранительных органов он не решил. Запись о том, что военнослужащие не связаны решениями партий, противоречит нормам членства в партиях, прежде всего КПСС, в Уставе которой сказано: «Член КПСС обязан... пропагандировать идеи партии, бороться за достижение ее программных целей и обеспечение авангардных позиций в обществе... последовательно проводить политическую линию КПСС в трудовых коллективах и среди населения, выпол-

нять партийные решения...» За нарушение партийной дисциплины, разумеется, следуют партийные взыскания.

Что делать военнослужащим? Выполнять Закон. До тех пор, пока его не сменит другой. Последнее слово в конечном счете за народом. В том числе — за молодежью.

РЕКЛАМА

«ПУЛЬС»- РЕКЛАМА ПРЕДЛАГАЕТ

советским и зарубежным заказчикам публикацию рекламно-информационных материалов на страницах журнала «Пульс», а также в наших приложениях «Пульс-информ» и «Пульс-Видео».

Мы готовы подготовить для вас рекламный текст, графические заставки, рекламный сюжет, видеоклип.

Оплата услуг — по договорным ценам.

Реклама в «Пульсе», выходящем тиражом около миллиона экземпляров и имеющем подписчиков во многих странах мира, поможет вам расширить рынок сбыта продукции и найти достойных партнеров для совместной деятельности. Мы уверены, что с нашей помощью вы добьетесь успеха!

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, редакция журнала «Пульс».

Телефоны: 285-37-78
290-49-30



Бедная Россия...

Который раз за последние десятилетия, призвав народ еще раз подтянуть ремни и немного потерпеть, обещают скорый приход светлого будущего. С той лишь разницей, что в обращениях «высокого руководства» уже не найти заверений о том, что «нынешнему поколению жить при коммунизме». Под лозунгом «Догнать и перегнать Африку» страна двинулась к победе капиталистического труда...

Почти примирившись с фактом гражданской войны, наше руководство так и не сумело разрешить два традиционных и взаимосвязанных для России вопроса: о земле (о собственности) и о национальном устройстве. А именно их неразрешенность, помноженная на войну, породила беззаконие 1917 года.

Россия как метрополия была в отличие от других стран Европы территориально едина со своими колониями. Москва, ставшая собирательницей русских земель после татарского трехсотлетнего ига, породила новый тип колониализма. Московское княжество присоединяло к себе новые территории без всяких «переговоров», и этот процесс очень естественно перекинулся на близлежащие этнически нерусские земли. Но их гармоническому включению в экономически целостную, то есть унитарную страну мешали различные верования доминионов. Православная вера, скрепившая Россию после величайшего потрясения для ее народа — раскола, уже не могла в начале XX века выполнять роль цементирующей идеологии в Великой Империи. Мусульманство противостояло распространению русской (панславянской) идеи на Юг и Восток, а католичество и протестантство на Север и Запад.

Россия буквально созрела для тоталитаризма. На роль диктатора-спасителя Отечества претендовали

Керенский, Корнилов, Краснов, Колчак, Деникин, Савинков... Сумевшая продержаться у власти дольше других, партия Ленина победила в этой войне всех против всех. Я думаю, это во многом произошло благодаря тому, что живая твердыня государства — русский чиновник обратил свои помыслы к большевистскому коммунизму, в котором почувствовал новую универсальную идеологию управления одной шестой частью суши (особенно после февральского демократического хаоса 17-го года), возможность обоснования всемирной экспансии, и всей душой стал служить ему.

Для простого народа русская религиозная идея, неразрывно связанная с существованием Российского государства и тесно переплетенная с поисками социальной правды, к тому времени уже не находила свой выход в государственной структуре — хранительнице тогдашней идеологии — официальной Церкви. Потрясенный несправедливостью войны, народ увидел желанную правду в обещаниях комиссаров и принял их в качестве новой Веры.

Так, став государственной идеологией, преломившись через сознание миллионов, коммунизм перестал быть наукой, превратился в догмат, в популистский лозунг фанатиков. Марксистско-ленинская религия тотально охватила все сферы жизни человека и неизбежно повела к диктатуре личности.

Началось выращивание человека будущего — «гомо советикус». Покончив одним махом с нацией великороссов, выслав в начале 20-х ее интеллектуальный цвет за пределы СССР, большевики заложили основу для дальнейшей ассимиляции всех наций Советского государства. Уже через десять лет к главным носителям культуры, а следовательно, и активной энергии других национальностей — интеллигенции стало применяться гораздо более действенное, чем высылка, средство — ГУЛАГ.

По мере ухода от классического тоталитарного коммунизма начиная с 1956 года происходило размывание и ослабление единой догматической веры, проявление, казалось бы, выт-



равленных ГПУ и НКВД национальных чувств. Перестройка как отказ от коммунистической утопии мгновенно инициировала национальное возрождение. С ее началом развал СССР и возникновение межнациональных конфликтов стали неизбежными.

Быстрые процессы распада Советской Империи в «братских республиках» часто несут на себе ярко выраженный антирусский характер. Это неизбежно, но и чревато катастрофическими последствиями.

Происходит всемирное унижение и самоунижение великороссов из-за собственной неустроенности и разорения. Сколько это еще будет продолжаться — пятилетку или пятьсот дней? Чем дальше сжимать пружину национальной гордости, тем большим шовинизмом она развернется. И нынешний антисемитизм покажется детской забавой в сравнении с сотнями астраханских, тамбовских и рязанских сумгаитов. Пора бы об этом задуматься печатающим антирусские статьи в Молдове, оскверняющим солдатские могилы в Прибалтике, хающим москалей на Украине...

Великороссы, испытав на себе все ужасы превращения в «советян», не перестали обладать тем, что принято называть «русским духом». Они поддались искушению коммунизма как пути к близкому и всеобщему счастью. В Евангелии сказано: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лук., 6, 37). Возрождение России еще возможно, но увы — история роковым образом повторяется...

Или, быть может, я не прав?

Игорь ДЕМИН.

Москва.

Я — фашист

Здравствуй, редакция.

Мне 20 лет, образование среднее, в школе считался способным учеником, после 10-го класса пытался поступить в вуз, но не добрал одного балла. В настоящее вре-

мя прохожу службу в Военно-Морском Флоте. Несмотря на убогую организацию наших Вооруженных Сил и все минусы армейской службы, я все-таки горжусь тем, что я солдат, что я защищаю свою Родину. Ведь Родина — самое святое, что есть у солдата, а солдат — самое святое, что есть у Родины. В последнее время среди молодежи упорно насаждаются пацифистские настроения. Сторонники демократии пытаются всячески оклеветать и очернить в глазах общества нашу армию с ее вековыми славными традициями.

С древних времен функция мужчины в обществе — защита рода, это в генах. Без риска, ощущения постоянной опасности мужчина деградирует — вот откуда процесс феминизации. В каждом мужчине должен воспитываться солдатский дух, только это делает его сильным, благородным человеком.

Да, я готов умереть за Россию с ее неблагодарным народом, но никогда не пойду защищать азербайджанцев от армян и наоборот, рискуя получить нож в спину и от тех и от других. То, что наши ребята гибнут там, — позор нашего правительства. Здесь требуется твердое решение «да» или «нет». Либо мы просто отказываемся от этих республик (право, мы больше выиграем, чем проиграем), либо жестоко подавляем очаги кровопролития.

Да одна слеза русской женщины не стоит жизни того подонка и недочеловека, который, опьяненный наркотиками, сам не зная за какие идеалы, убивает ее сына. Лично мне не нужна такая демократия. России нужна железная рука, нужен вождь, а не Политбюро. Россия конца 80-х очень напоминает Германию начала 30-х. Я никогда не скрывал своих убеждений. Я — фашист. Но не из тех, кто, нацепив свастику, машет кулаками, — это мразь. У настоящего наци должны быть светлые идеалы, железная воля, дух солдата и культ вождя.

Большинство людей при слове «фашист» плюется. Но давайте вспомним ГУЛАГ, голод на Украине, поголовное истребление казачества, всеобщую коллективизацию — почему же мы не плюемся при слове «коммунист»? Коммунисты делали все это цинично и лицемерно, прик-



рываясь своими сказками о светлом будущем.

Настоящий ариец — романтик! Его нордический дух постоянно тянется к тайнам языческих богов, к таинствам бытия своих древних предков, живших в заснеженных лесах в полной гармонии с природой, в собственном мире лесных троллей и гномов. Настоящий ариец — благороден. Ему чужды подлость и лицемерие, он никогда не ударит в спину. Его отношения с женщиной чисты и прекрасны.

Настоящий ариец жесток и холоден, когда дело касается Идеи. В этом мире выживает сильнейший. Сильный духом и телом. Ариец — Воин Духа. Ему чужда бездуховность материализма, он живет ощущением чего-то большего, в ожидании чуда.

Да, скоро придет наше время, и будет кровь, война без крови не бывает, а в этом мире война идет всегда и везде. Но нас судить не тем жалким людишкам, погрязшим в разврате, воровстве, фарисействе, лжи, пьянстве, наркомании; не тем, кто уничтожал нацию, топтал достоинство русского народа.

Не знаю, напечатаете ли вы мое письмо, но если это все-таки случится, то прошу редакцию не называть моего имени — хочу дослужить нормально, не имея осложнений с политуправлением и особистами.

А. Л.

ОТ РЕДАКЦИИ: Ладно, имени не назовем. Хотя «Воину Духа», «жестокостому и холодному романтику», наверное, не очень пристало опасаться «политуправления и особистов», «когда дело касается Идеи». В заключение своего письма «настоящий ариец» А. Л. предложил поспорить с теми, у кого возникнет желание вообще это делать. Что ж, мы готовы предоставить свои страницы для освещения такой дискуссии, несмотря на то, что сами к подобным доморощенным «наци-патриотам» и сторонникам «простых волевых решений» никакой симпатии не испытываем. Высказывайся, читатель...

РЕКЛАМА

ВИДЕОПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ПУЛЬС»

Это:

- оригинальные программы для сетей кабельного телевидения;
- новинки зарубежной и советской эстрады для видеобаров и дискотек;
- компас в бурном море видеорынка для любителей кинематографа.

ВЫПИСАВ ВИДЕОПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ПУЛЬС», ВЫ:

- узнаете о потустороннем мире;
- встретитесь с колдуном и экстрасенсом;
- познаете секреты древних мастеров эротического искусства;
- познакомитесь с новинками видеорынка;
- потанцуете вместе со звездами зарубежной эстрады;
- откроете для себя новые дарования советского рока.

**ВИДЕОПРИЛОЖЕНИЕ
ВЫПУСКАЕТСЯ
НА КАССЕТАХ «VHS»,
В СТАНДАРТАХ
ЦВЕТНОСТИ «PAL»
И «SECAM».**

**ПЕРВАЯ КАССЕТА
ВИДЕОПРИЛОЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ В ЯНВАРЕ
1991 ГОДА**

Направив к нам в журнал почтовую открытку с заявкой на первую кассету видеоприложения и указав в ней свой точный адрес, необходимый стандарт цветности видеозаписи, вы в течение месяца всего за 100 рублей наложенным платежом получите часовую программу **ВИДЕОПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ «ПУЛЬС».** **МЫ ЖДЕМ ВАШИХ ЗАЯВОК НА ВИДЕОПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ПУЛЬС»!**

Справки по телефону: 285-37-78



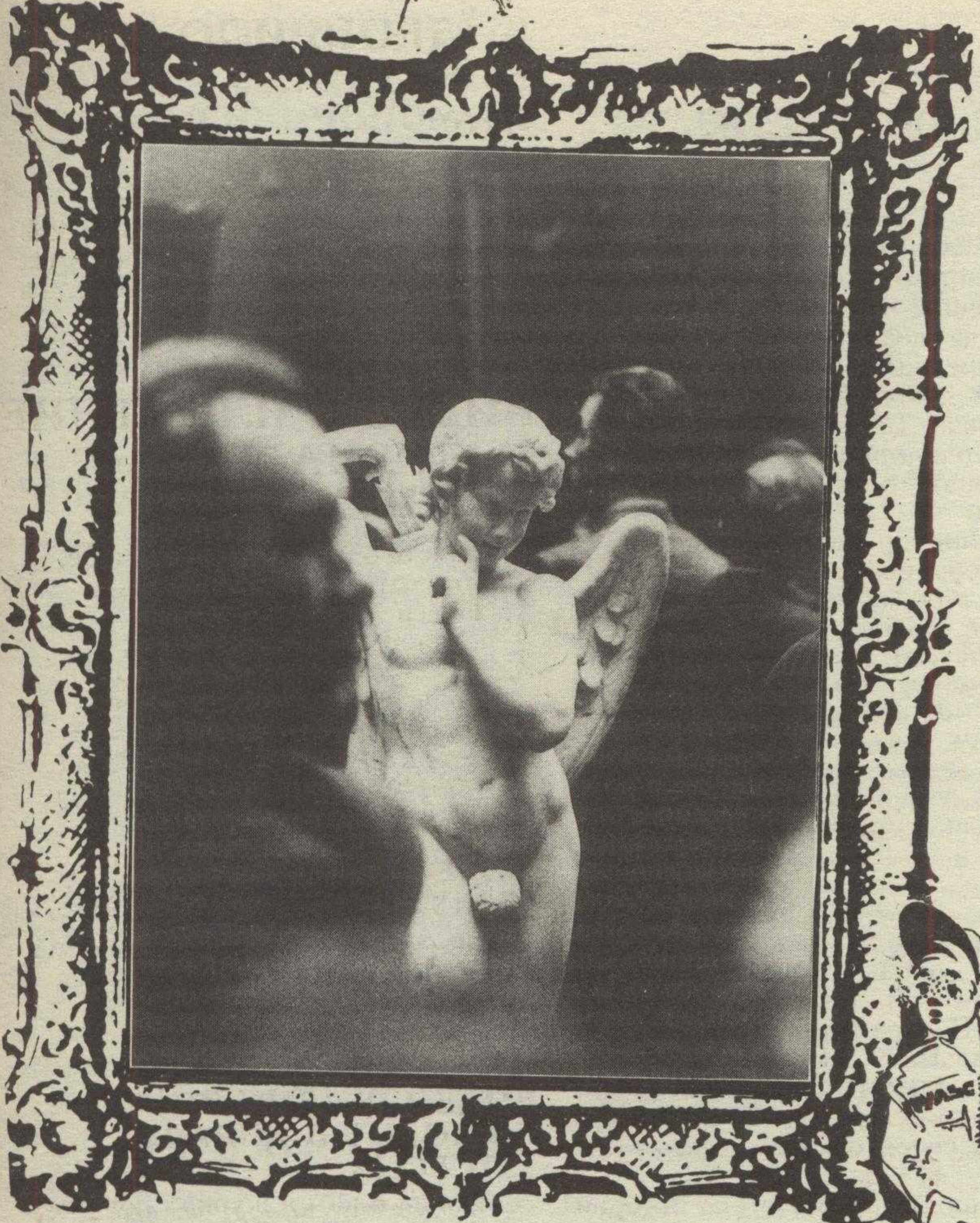


Фото К.



ВОПРОС В КОНВЕРТЕ (из переписки с читателем)

В порядке подчиненности...

В «Московском комсомольце» прочитал о том, как распределялись легковые автомашины в аппарате ЦК ВЛКСМ. Что ж, неудивительно. Когда разваливаются отжившие свое структуры, их руководители, понимая неизбежность происходящего, стремятся «хапнуть» от пирога как можно больше. Непонятно только, как относятся к этому «рядовые члены профсоюза» из аппарата ЦК комсомола?

Н. Снегирев.
Видное, Московская область.

В заметке, опубликованной столичной молодежной газетой, речь, напомним, шла о том, что выделенные целевым назначением ЦК ВЛКСМ легковые автомашины распределялись в личную собственность — и в обход существующей в аппарате очереди — постановлением Бюро ЦК ВЛКСМ. Машины, в частности, получили нынешний и бывший первые секретари ЦК В. Зюкин и В. Мироненко, председатель Центральной Контрольной Комиссии ВЛКСМ В. Парфенов.

Объективности ради скажем, что на III пленуме ЦК ВЛКСМ В. Зюкин заявил о своем отказе от автомобиля.

— Меня во всей этой истории удивляет повышенный интерес к аппарату, — сказал корреспонденту «Пульса» председатель профкома аппарата ЦК ВЛКСМ А. Лазарев. — У профкома по принятому Бюро ЦК решению возражений не было.

— Ну а все-таки, бурлит профсоюз по этому поводу или нет?

— Ни один работник аппарата «бурлить» не будет. Он живет в системе и должен соблюдать правила. Кто-то, быть может, повозмущается в кулуарах, но мне «официального протеста» не принесет. Добавлю,

что слухи о каких-то особых привилегиях нынешнего аппарата ЦК сильно преувеличены. Сейчас даже продовольственные заказы имеет возможность получать только каждый пятый наш работник.

С монополизмом покончено?

Произошли ли в связи с принятием Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» какие-либо изменения в «ведомственной принадлежности» выходящей сейчас центральной комсомольской печати?

А. Лукьянов.
Караганда.

— Да, произошли, — ответил руководитель группы обозревателей ЦК ВЛКСМ В. Устюжанин. — ЦК ВЛКСМ отказался от прав учредителя на такие детские и детско-юношеские издания, как «Мурзилка», «Веселые картинки», «Юный техник», «Юный художник», «Юный натуралист», «Вокруг света», «Вожакий», «Молодая гвардия», «Техника — молодежи». В то же время ЦК комсомола уже стал одним из учредителей «Комсомольской правды», выступил соучредителем журналов «Смена», «Сельская молодежь», «Перспективы», «Пульс», «Аврора» и ряда других.

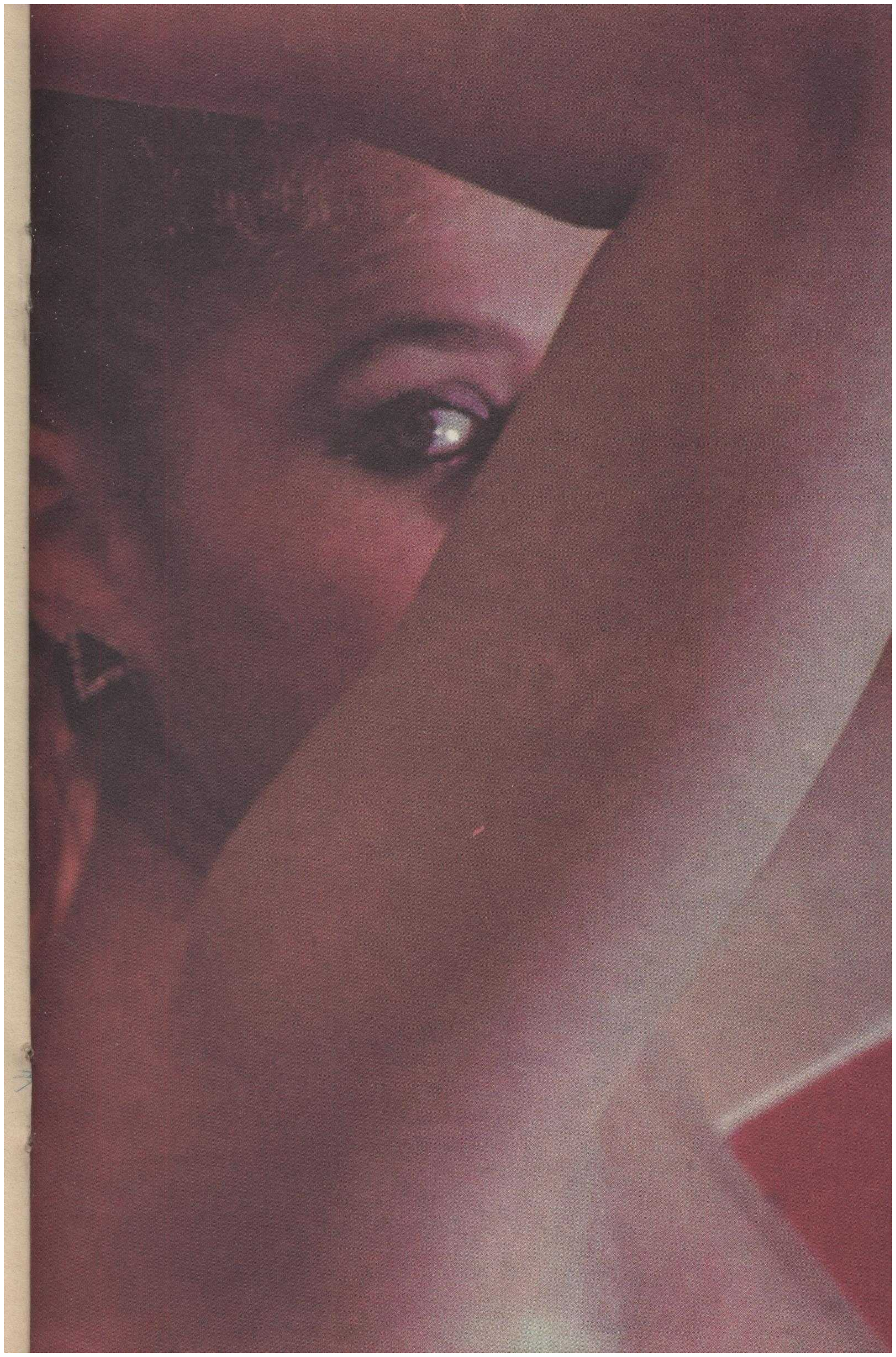
Метаморфозы «Славного пути»

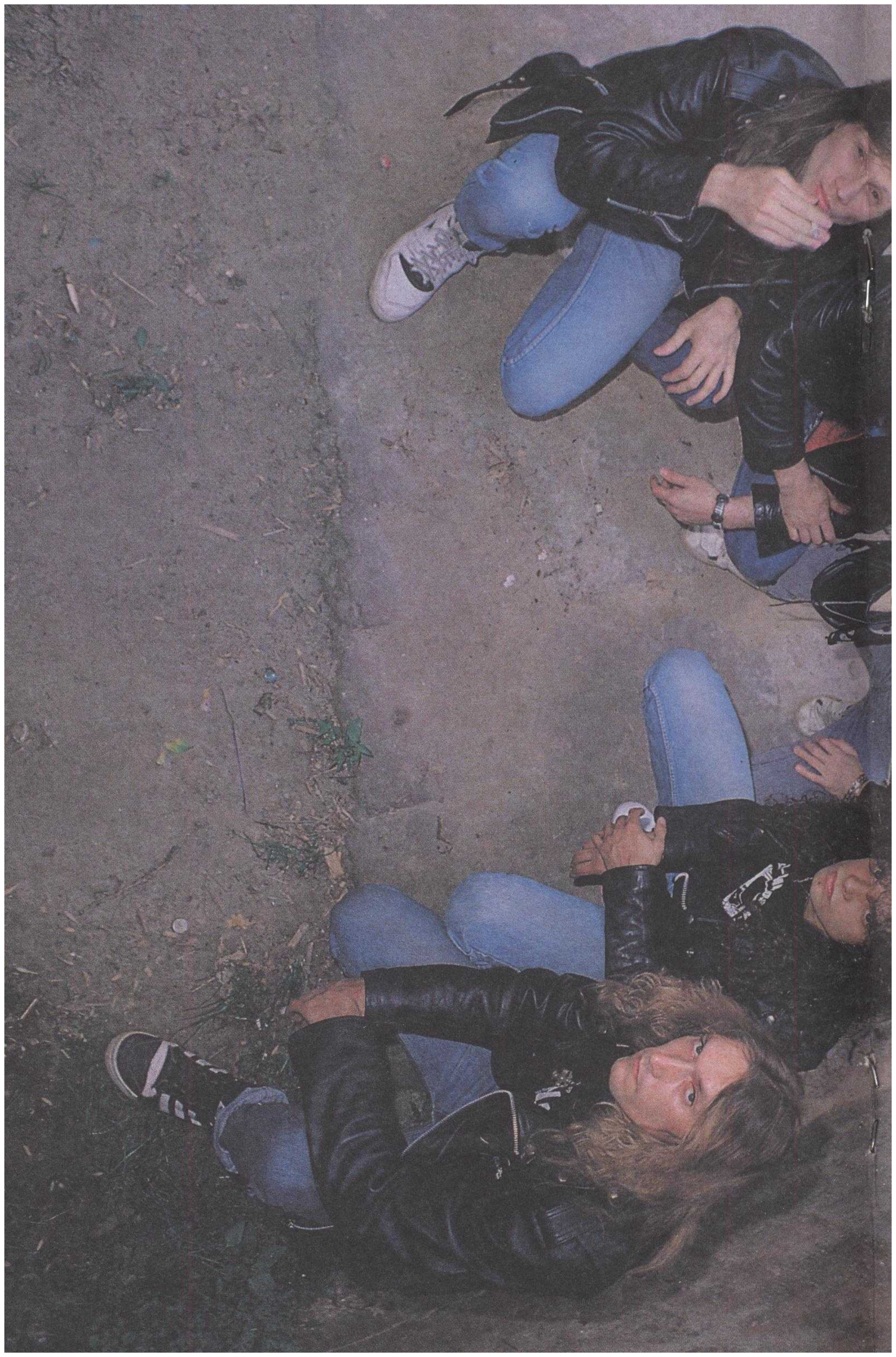
Проявляют ли зарубежные исследователи интерес к истории молодежного движения в СССР и, в частности, к истории комсомола?

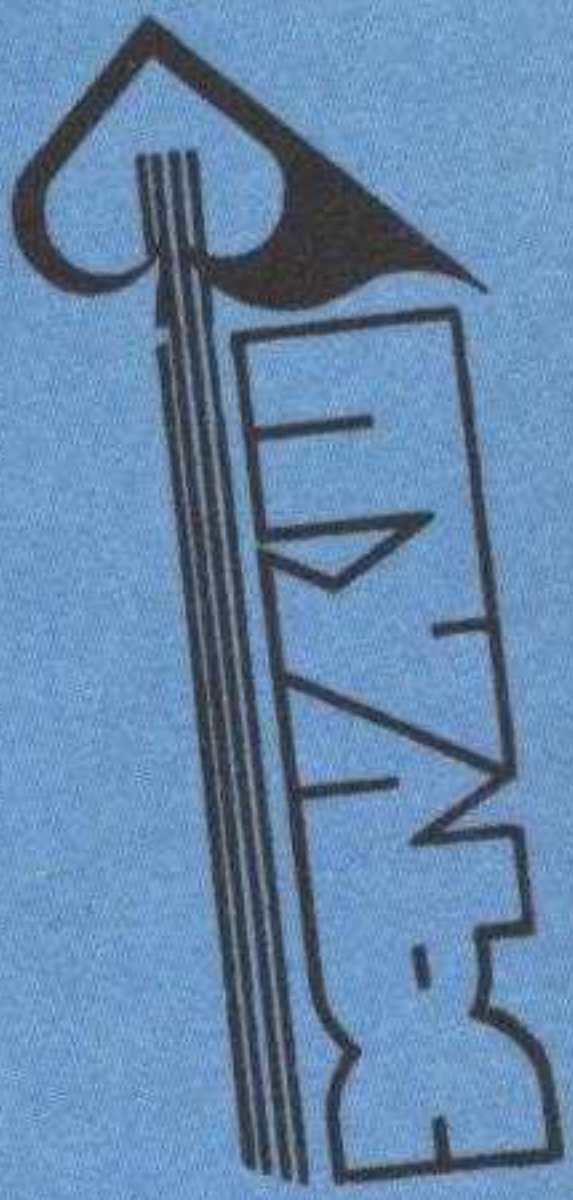
А. Кроткова.
Фрунзе.

— Возможно, скоро они будут знать эту историю лучше нас самих, — говорит заведующая читальным залом Центрального архива ВЛКСМ Г. Алаева. — Работают они у нас очень серьезно и подолгу — от полугода до восьми-девяти месяцев. Взять хотя бы американ-

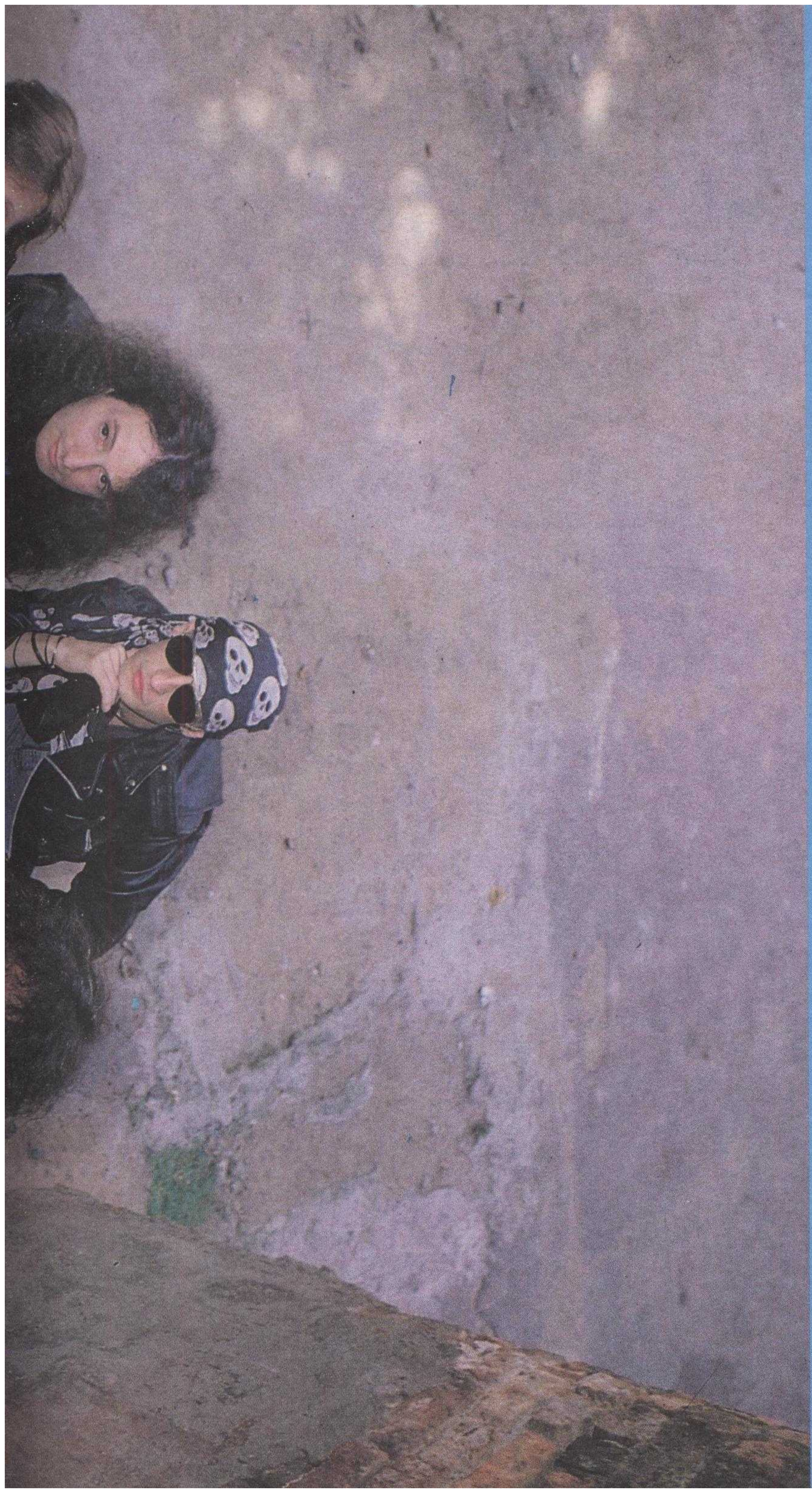








МАСТЕР



91

ЯНВАРЬ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24 31
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

ПН
ВТ
СР
ЧТ
ПТ
СБ
ВС

ИЮЛЬ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24 31
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

ФЕВРАЛЬ
1 8 15 22
2 9 16 23
3 10 17 24
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

ПН
ВТ
СР
ЧТ
ПТ
СБ
ВС

АВГУСТ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24 31
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

МАРТ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24 31
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

ПН
ВТ
СР
ЧТ
ПТ
СБ
ВС

СЕНТЯБРЬ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28
8 15 22 29

АПРЕЛЬ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

ПН
ВТ
СР
ЧТ
ПТ
СБ
ВС

ОКТЯБРЬ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24 31
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

МАЙ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24 31
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

ПН
ВТ
СР
ЧТ
ПТ
СБ
ВС

НОЯБРЬ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

ИЮНЬ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

ПН
ВТ
СР
ЧТ
ПТ
СБ
ВС

ДЕКАБРЬ
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24 31
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28
8 15 22 29

ских ученых. Они, к слову, на мой взгляд, усерднее, чем исследователи из других стран, изучают советскую историю (может быть, потому, что так долго боялись нас?)

«Культура и образ жизни молодежи во время нэпа» — тема работы ученого из Мичиганского университета Анны Горсуч. Диссертация аспиранта Гарвардского университета Стивена Солника называется «Общественно-политическая жизнь молодежи в СССР с 1960-х годов до сегодняшнего дня». Советское общество во время Великой Отечественной войны изучает Ричард Броуди, аспирант Мичиганского университета.

Ричард, узнав, что наш архив собираются рассредоточить по другим архивам, а фактически закрыть и уничтожить (ЦК ВЛКСМ, передав верующим занимаемое им здание церкви Николы в Клиниках, никак не мог подыскать подходящее помещение для служб Управления делами), направил письмо в «Правду», секретарям ЦК комсомола, народному депутату СССР А. Плотникову.

— Архив все-таки оставили в покое?

— Во все смутные времена что летит в костер в первую очередь? Книжки! Богатейшую библиотеку ЦК ВЛКСМ, формально передав Институту молодежи, на деле просто ликвидировали. Ее помещение отдали молодежной бирже труда. Ну а что касается нас, то руководители ЦК ВЛКСМ поняли, что мы просто не уйдем отсюда, и отступили.

Кстати

Заведующий отделом истории комсомола и молодежных движений НИЦ Института молодежи доктор исторических наук В. Криворученко назвал нам основные направления работы отдела в настоящее время. Это изучение истории существовавших в СССР до 1925 года — вне рамок ВЛКСМ — около 40 молодежных организаций общественно-политической направленности, дискуссий в ВЛКСМ 20-х годов, взглядов Ленина, Бухарина, Троцкого, Зиновьева и других руководителей большевистской партии на молодежь.

Готовятся к публикации исследование, посвященное влиянию культуры личности Сталина на молодежь и комсомол, новые «Очерки истории ВЛКСМ», коренным образом отличающиеся от достопамятного «Славного пути Ленинского комсомола».

Двойное членство?

Скажите, пожалуйста, может ли член ВЛКСМ, и, в частности, находящийся на выборной комсомольской работе, состоять в двух общественных и общественно-политических организациях, например в социал-демократической партии? Ведь новым Уставом ВЛКСМ это не запрещено, если, конечно, такое «двойное членство» не препятствует выполнению программных документов и самого Устава комсомола.

Азад Мамедов, секретарь комитета ЛКСМ Азербайджана ПТУ № 113, г. Ленкорань.

Ответить на письмо мы попросили руководителя рабочего аппарата Координационного Комитета ЦК ВЛКСМ по связям с молодежными организациями СССР Сергея Бунькова.

Действительно, как правильно отмечает в письме Азад Мамедов, в Уставе ВЛКСМ, принятом XXI съездом комсомола, не зафиксированы нормы, запрещающие членам ВЛКСМ состоять одновременно в какой-либо партии. Согласно параграфу 6 член ВЛКСМ имеет право «участвовать в работе других общественных и политических организаций и движений, принципы и деятельность которых не противоречат Конституции СССР и не препятствуют выполнению программных документов и Устава ВЛКСМ».

В условиях переходного периода комсомол провозглашает себя открытым для всей молодежи коммунистической и социалистической ориентации. И это является отражением реальной ситуации, которая сложилась в нашем союзе. Сегодня нельзя не видеть, что в составе организации есть люди и с социалистическими, и социал-демократическими, и, конечно, с коммунистическими взглядами.

В связи с этим на вопрос, поставленный автором письма, о возможном членстве комсомольцев в иных партиях можно ответить утвердительно, при условии, если эти партии являются партиями коммунистического и социалистического выбора.

Вместе с тем следует иметь в виду, что процесс формирования различных партий только начинается. Состав партий неоднороден, их взгляды, политические позиции находятся в стадии оформления. Не всегда название партии отражает ее сущностное содержание. Ряд региональных партийных организаций имеет также свои особенности, самостоятельные Уставы и программы.

Поэтому здесь речь должна идти не о какой-то абстрактной социалистической или социал-демократической партии, а о конкретной партии конкретного региона с оценкой не только программных целей, но и практических действий. На наш взгляд, будет логичным, если в каждом отдельном случае вопросы членства комсомольцев в каких-либо партиях будут рассматриваться местными комсомольскими организациями. Следует также учитывать и то, что в соответствии с Уставом ВЛКСМ субъекты федерации могут иметь свои собственные программы и уставы, в которых данные нормы могут трактоваться по-своему.

В прошлом году мы получили свыше 150 тысяч писем. Всем спасибо! Писем с вопросами ждет и новая рубрика «Пульса». На конвертах или открытках сделайте, пожалуйста, пометку — «Вопрос в конверте».

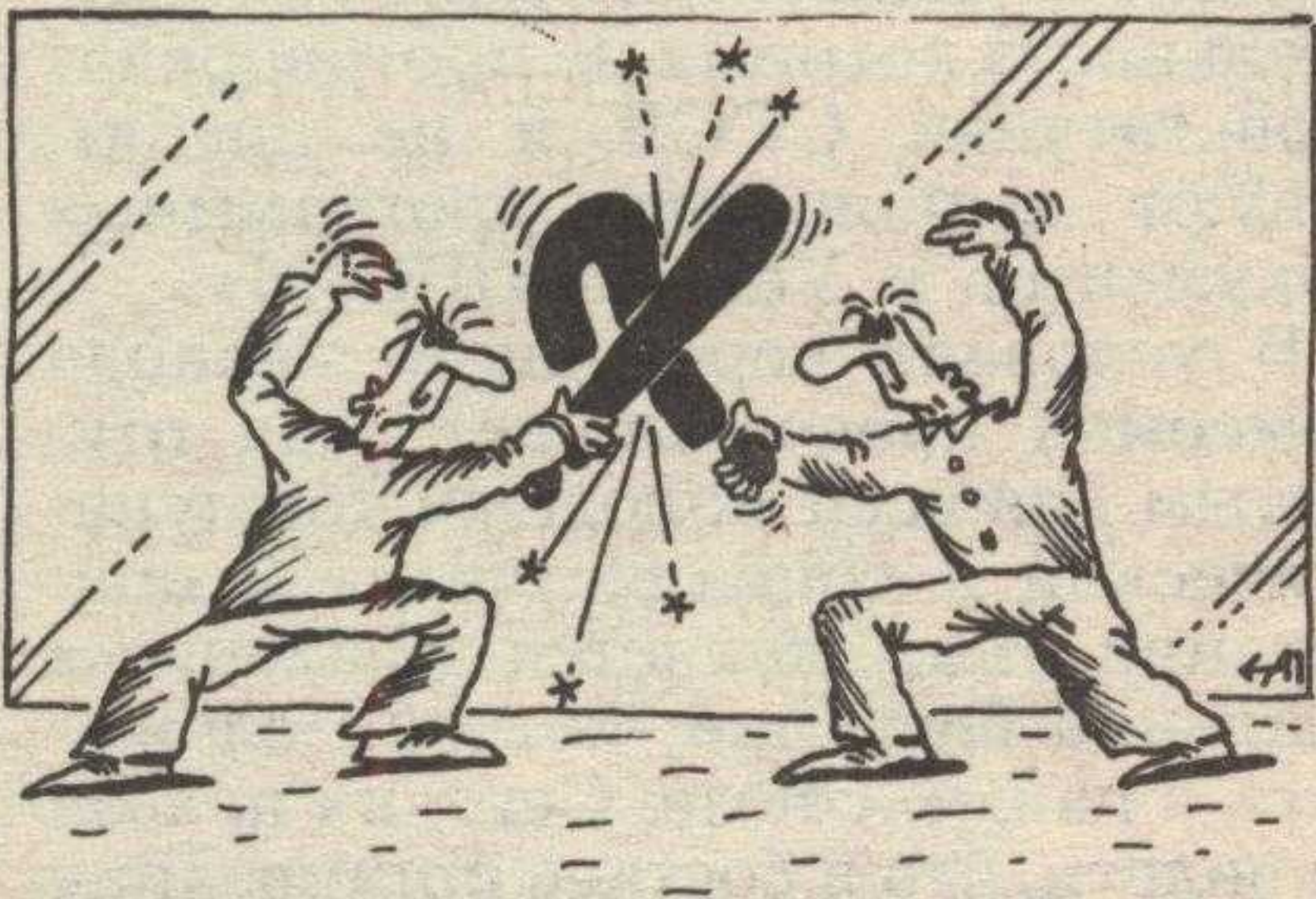


Рисунок Аркадия ПЯТКОВА
(Свердловск).



«ПУЛЬС»-ЛОТЕРЕЯ

Самые активные читатели

— ваше слово! Какие три материала этого номера, на ваш взгляд, самые удачные? Напишите об этом в редакцию (только, пожалуйста, пошлите почтовую открытку с пометкой «Пульс»-лотерея»). Среди читателей, высказывавших свое мнение, будут разыграны пять призов — книги серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия».

Имена наших друзей-читателей будут опубликованы в апреле.

Видео — бесплатно!

Внимание! Внимание! Кассета с видеоприложением к журналу «Пульс» — приз за победу в нашем блицтурнире.

Условия просты: организовать подписку на журнал «Пульс» с апреля по декабрь этого года. Если ты любишь журнал, то сможешь одноклассникам, сослуживцам, коллегам оформить подписку на «Пульс». Скольких своих друзей, знакомых ты подпишешь на «Пульс»? 20, 50, 100. А может быть, больше? Тех, кто станет самым активным распространителем подписки на «Пульс», ждут призы — видеокассета, книги.

Шлите до 1 марта телеграммы или письма, заверенные работниками почтовых отделений. Не забудьте указать свое имя, фамилию, адрес, место работы или учебы.

**СМЕРТЬ
НАСТУПИТ
В ПЯТЬ
ЧАСОВ**

Предсказание древних халдеев гласило: на сорок пятом году жизни и на пятнадцатом году власти, в четырнадцатый день до октябрьских календ, то есть 18 сентября 96-го года, юноша, чье будущее они предсказывали, будет заколот заговорщиками. Будущим императором и жертвой убийства был Домициан, последний император из династии Флавиев.

Предсказаниями в то время удивить было трудно. Различного рода гадания и прорицания были не просто широко в ходу, а являлись составной частью официального римского культа. Например, ауспиции — определение будущего по полету и поведению птиц — предваряли любое государственное начинание. Но все пророчества позволяли определить лишь общий характер и исход будущих событий. В случае с Домицианом халдеи смогли назвать конкретную дату события и, что впечатляло еще больше, определенный час: ПЯТЬ ЧАСОВ ДНЯ! (День у римлян делился на 12 часов, поэтому 5 часов дня приблизительно соответствуют нашим 11 часам до полудня.)

Предсказание было известно не только самому Домициану, но и его отцу и жене. Когда однажды за обедом Домициан отказался от грибов, отец в шутку напомнил ему, что не грибов следует опасаться, а меча. Время шло, и то, что вначале воспринималось как шутка или ошибка, стало обретать контуры реальности. В полном соответствии с предсказанием Веспасиан, отец Домициана, становится правителем, а в назначенный год на трон императора поднимается и Домициан. Его подозри-

тельность, усиленная знанием своей судьбы, не знала границ. Повсюду и во всех император видел заговорщиков, подозревал друзей и прислугу, стражу и домашних. В портиках, где он обычно гулял, стены были специально отделаны белым полупрозрачным мрамором, чтобы в отражении видеть все, что происходит за спиной.

Время подошло к роковой сентябрьской ночи 96-го года. Около полуночи император проснулся в страшном испуге, и остаток ночи провел без сна. Едва дождавшись утра, вызвал германского гадала Ларгина Прокула, чтобы спросить о значении событий, случившихся накануне: молния ударила в храм рода Флавиев и собственную спальню Домициана. Гадала ответил, что это означает грядущую перемену власти. Услышав такое, император отдал приказ о казни германца.

Томимый неясным, но дурным предчувствием, Домициан спросил, который час. Из страха перед жестоким императором стражник ответил, что скоро шесть. Домициан рассмеялся над пустым пророчеством, так долго мучившим его, и приказал истопить баню. На пути к ней его остановил спальник Парфений, сообщив, что управляющий Стефан желает поведать нечто важное о готовящемся заговоре. Отпустив стражу, император вернулся в спальню, где и был заколот заговорщиками ровно в пять часов дня.

Случай предсказания, конечно, поразительный, хотя и не более, чем ясновидения Мишеля Нострадамуса, о которых я уже писал («Пульс» № 23—24). Дело в другом: неужели мы все делимся на две категории — халдеи, Нострадамус, Сведенборг и другие видевшие будущее, с одной стороны, и все остальные, переживающие события лишь во время и после их свершения — с другой?

Исследование явлений, отклоняющихся от обычной нормы, показывает, что существуют переходные формы между предвидением будущего и его ясновидением.

Предчувствия и галлюцинации

Явление ясновидения как определенная способность встречается, ко-

нечно, очень редко. Зачастую даже лица, наделенные этим даром, не могут сказать, что они им пользуются наподобие обычного дара речи. В письме от 28.02.1843 года Гоголь писал своему знакомому: «Иногда (курсив мой.— Л. К.) силой внутреннего глаза и уха я вижу и слышу время и место, где должна выйти в свет моя книга».

А. Шопенгауэр высказал догадку, что в неразвитом виде способностью предвидеть обладает любой человек. Современные исследования бессознательных процессов психики показывают, что результаты прогноза событий у обычного человека могут не переходить в явное состояние, а оставлять в сознании только след в виде смутного чувства тревоги и беспокойства, которое мы привыкли называть предчувствием. Разве у нас никогда не было хорошего или плохого предчувствия, которое потом сбывалось в каких-то событиях?

К разряду предчувствий принадлежит и психический феномен, известный под названием «внутренний голос». Строго говоря, никакого голоса — в смысле звука — нет: в критической ситуации, предполагающей выбор, у человека внезапно рождается уверенность в пользу именно этого, а не другого выбора. Возможен и такой вариант, когда уверенность относится к тому, что не надо делать. Решение как бы подсказывается кем-то, иной раз почти что навязывается воле. «Демон» Сократа, подсказывающий верные решения в переломные моменты жизни, является классическим примером «внутреннего голоса».

Если предчувствия не имеют конкретного образа, то псевдогаллюцинации, связанные с ясновидением, являются собой слуховые образы. Например, человек «слышит», как кто-то окликает его по имени. Пространственной локализации образа здесь нет, что указывает на его псевдогаллюцинаторный характер. Н. В. Гоголь в «Старосветских помещиках» пишет о себе: «Иногда вдруг позади меня (курсив мой.— Л. К.) кто-то явственно произносил мое имя».

Определенность проявления ясно-

видения повышается с переходом к собственно образам слухового характера. Содержанием этих образов являются звуки передвигаемой мебели, посуды и других бытовых предметов. В качестве галлюцинаций эти образы имеют пространственную принадлежность, то есть воспринимаются как звуки, доносящиеся, скажем, из соседней комнаты. Типичным является и слуховой образ стука или звонка в дверь. Обычно люди не сомневаются в реальности этого явления, а потому или бросаются открывать дверь, естественно, не находя никого при этом, или ждут повторения стука или звонка.

Набор образов при этом жестко ограничен, выступают они в символической функции, которая оформляется в древнейшие периоды жизни человечества и по мере развития лишь корректируется исторической, культурной и национальной спецификой носителей архитипического символизма. Например, стук в дверь легко заменяется на телефонный звонок. Рассмотренные слуховые образы архитипичны не только по форме, но и по сути предвидения, к которому они отсылают. Зов по имени, передвижение мебели, стук в дверь — все это символизирует вызов и уход из дома (болезнь, смерть, несчастье, поворот в жизненной судьбе).

Судьба и ясновидение

Отношение к судьбе у нас, мягко говоря, ироническое или снисходительное. Уж слишком ненаучно звучит это слово, чтобы всерьез принимать стоящее за ним содержание. Таков стереотип общего сознания. К счастью, он никогда не был всеобщим. Вл. Соловьев в 1897 году в статье «Судьба Пушкина» писал: «Есть нечто, называемое судьбой, — предмет хотя не материальный, но тем не менее вполне действительный. Я разумею пока под судьбою тот факт, что ход и исход нашей жизни зависят от чего-то, кроме нас самих, от какой-то превосходящей необходимости, которой мы волей-неволей должны подчиниться. Как факт



это бесспорно... Слишком очевидно, что власть человека, хотя бы самого упорного и энергичного, над ходом и исходом его жизни имеет очень тесные пределы».

Древние греки, обладавшие ясным умом и положившие начало наукам и философии, никогда не считали суеверием говорить о судьбе. Напротив, они располагали целой системой представлений, которые небезынтересны и для современного человека. Словом *dike** обозначалась судьба как внутренне присущий миру закон справедливости. Для людей этот закон являлся либо в виде сложившихся обстоятельств (*tychē*), либо как неизбежность (*anankē*). Но в любом случае судьба отдельного человека была включена в мировое целое и в этом смысле выступала как его часть: у каждого человека своя участь, свой удел, своя доля — *moira*, по-русски — мера. В качестве части мирового целого судьба отдельного лица сама обретает целостность, определенную завершенность.

Чему же мы можем поучиться у древних греков? В первую очередь обращает на себя внимание идея судьбы. Любой человек, вероятно, согласится, что его жизнь не просто совокупность каких-то эпизодов, а такое их объединение, что если ретроспективно оглядеть свою жизнь, то каждое событие в ней так или иначе окажется ступенью на пути к их финалу. Только не получается ли в таком случае, что нет в мире ничего случайного, а все наши жизненные коллизии наперед, так сказать, «запрограммированы»?! Совсем нет.

Заблуждается тот, кто пытается вывести из одних жизненных событий другие, установив таким образом будущее, которое в этом случае только предвидится. Судьба — не простая последовательность причинно связанных событий, но целостность, которая может реализоваться даже в альтернативных событиях. Это общая основа судьбы. Смешно выглядят рассуждения о том, что могло случиться не так, как случи-

лось: видеть альтернативы — малая заслуга.

Другой момент, обращавший на себя внимание античной мысли, тот, что жизненные обстоятельства, сопровождающие человека, включают его судьбу в более обширное целое, в конечном счете — в мировое целое. Судьба, будучи целым относительно «своих» событий, сама выступает частью и долей мирового целого. Кто-то решит: судьба как доля плохо согласуется с возможностью человеческой свободы и активности. Но кто сказал, что признание судьбы равнозначно фатализму? Еще Цицерон, древнеримский философ и ритор, в трактате «О судьбе» указывал, что он не исключает судьбы, но лишь отрицает в ней участие некой фатальной силы.

Судьба-целостность является предметом ясновидения, когда видят непосредственные, конкретные события, вроде того, что продемонстрировали халдейские жрецы современникам Домициана. Сложнее обстоит дело с судьбой-долей, восприятие которой предполагает связь частной судьбы с более обширным целым. К такому более сложному ясновидению, так сказать, «второго порядка», следует отнести пророческую деятельность того же Нострадамуса. Ясновидение «второго порядка» требует уловить «всеединство» части и целого, возможности и действительности, сущего и должного.

Не тому ли самому учили античные стоики, говоря, что существует универсальное взаимодействие всех вещей, некая мировая «симпатия», проявляющаяся в *kaïros*, когда каждому событию положено свое время, в которое раскрывается сущность и реализуются возможности, заложенные в явлении. Время поэтому безразлично к событиям: оно не идет, а исполняется, согласуясь с событиями. *Kaïros* — это благоврежье, полнота времени, когда явление оказывается сразу тем, что оно есть и должно быть. Ведь недаром *kaïros* родственно русскому «очередной» или «череда».

*Все термины даются в латинской транслитерации.

Леонид КАРПОВ,
кандидат философских наук



ЖИВЫЕ СТРАСТИ
ПО «МЕРТВЫМ
ДУШАМ»

■ Александра Бельского, создателя и руководителя народного театра-студии пантомимы, который работает в Криворожском Дворце культуры Центрального горно-обогатительного комбината, я знаю давно. Знаю его жену Тонию — она помогает мужу в творчестве, берет на себя нелегкую миссию администратора, и без ее организационной хватки режиссерские мечты лирически настроенного Саши вряд ли бы воплотились. Знаю их двоих сыновей.

Эта семья неизменно появляется в любом уголке Союза, где происходят интересные художественные события. Так и приезжают в полном составе — ребят дома оставить не с кем. Едут за свой счет, терпят все трудности железнодорожного и авиационного сообщения, селятся как придется, но не упускают случая увидеть премьеру коллег по искусству.

А для того, чтобы заманить гостей к себе, криворожцам пришлось провести собственный фестиваль пантомимы. Он проходил в рамках общегородского праздника и очень помог веселью: мимы организовали клоунские шествия по улицам, концерт в парке, очень милый спектакль детской студии «Муха-Цокотуха».

Однако настоящим открытием для меня стала премьера криворожских мимов — «Мертвые души» на музыку Альфреда Шнитке.

Дело в том, что пантомима нынче, как любой достаточно развившийся жанр, как недавно рок-музыка, распространяется по периферии. Затихшие в уставших привычных центрах на время создает иллюзию упадка жанра. Так нацело утерянным казалось мастерство мимодрамы и мим-балета.

Первая, думалось, сгинула в легендах 60-х годов о студии пантомимы при Московском театре киноактера, возникшей на базе курса пластической культуры ВГИКа, которым руководил Александр Румнев, некогда солировавший в театре Таирова. В той студии, кстати, тоже ставили историю про Чичикова, и, говорят, замечательно, но на пленку спектакль, в силу обычной нашей бесхозяйственности, зафиксирован не был. По рассказам, это был изобретательный, метафоричный, однако точно следующий литературному первоисточнику, как диктует мимодрама, перевод повести Гоголя в пластику.

Бельский пошел несколько иным путем, хотя в результате возродил и все достоинства мимодрамы. В его спектакле вовсе нет анекдота про Чичикова, зато представлены основные лейтмотивы, характерные для русской классики.

Наибольшее впечатление на меня произвело то, как развивается тема вражды. По обыкновению, редкий роман обходился без дуэлей. К дуэли подспудно влекут и сцены светских раутов в спектакле Бельского. В варианте Бельского на поединке гибнут оба дуэлянта, и затем у ворот кладбища сталкиваются две траурные процессии. Печальный повод для встречи не умеряет их взаимных антипатий. Они набрасываются друг на друга, не смущаясь, используют в качестве тарана гробы. Вторя живым, кладбищенские скелеты тоже принимаются лущевать друг друга могильными крестами.





Не правда ли, мысль — вечная, воплощение — необычное, а в общем, насколько же ситуация характерна для современности. В этом и прелесть постановки.

А в целом я поняла, почему криворожский театр пантомимы удостоен множества наград. Он лауреат комсомола Кривбасса, двух всесоюзных фестивалей самодеятельного художественного творчества, двух республиканских фестивалей пантомимы. Удостоен дипломов Государственного академического Малого театра и четырех всесоюзных творческих объединений — Союзов писателей, композиторов, кинематографистов и журналистов.

Нина ТИХОНОВА.





Ударник группы Ефимов Сергей со своей «Круз» работает со своей группой «Волновой» группой входят в которую волгоградские музыканты «Серенди», в которую входят волгоградского «Пенальти» Андри Фирсов (бас), Андрей Серисантов (гитар) и Сергей Егшин (вокал).

В конце прошлого года во Франции вышел альбом «Контракт», подписанный в Ленинградской команде «Рок-штат». Контракт, рассчитан на четыре сит название «Рисунок». «Эми», фирмой «Эми», октябрь 90-го с фирмой «Эми», года.



В музыкальных журналах Западной Европы в последнее время имя Бон Джови не сходит со страниц. В программах совместных концертов с такими группами, как «Европа», «Скид Роу», и многими другими группа Бон Джови набрана крупным шрифтом, что означает — выступают в заключение концерта, «на сладкое».

Их называют музыкальным десертом еще и потому, что многие любители тяжелого рока считают музыку группы недостаточно тяжелой. Что, впрочем, не мешает росту ее популярности. Критики особо выделяют мелодизм, самобытные гармонические решения, задор и динамику.

«Рок-н-ролл — это не романтика, это на девяносто процентов тяжелый труд».

Джон Бон Джови.

История группы примерно такова: ее лидер Джон Бон Джови родился 2 марта 1962 года в небольшом американском городке Сайервилле. Мечта играть в рок-группе родилась еще в детстве. Писать песни Джон начал рано, но возможность проявить себя, «засветиться» перед публикой долгое время не подворачивалась.

Человека, который заметил дарование Джона, звали Брюс Спрингстин. Случилось так, что, горя жела-

нием быть хоть как-то ближе к миру музыки, Джон нанялся убирать местную студию, в которой записывались известные музыканты. Спрингстин, который писался там же вместе с Литл Стивеном, каким-то образом обратил внимание на уборщика, послушал и... помог записать и выпустить в свет песню Джона под названием «Don't Leave Me Tonight» («Не покидай меня сегодня вечером»).

В истории своего становления Джон не пошел по стопам тех, кто ему в этом помогал, хотя и Брюс Спрингстин, и Литл Стивен, и Том Петти оказывали в то время большое влияние на американскую молодежь. Но Джон хотел играть свое. Пик «Битлз» уже прошел, и в конце семидесятых хард-рок стал медленнее, но верно приобретать металлическую интонацию. Зачастую ведущими группами того периода становились группы из Европы. Американцу, пытающемуся играть что-то подобное, приходилось тяжело.

Начало карьеры музыканта было положено, но до большого успеха было тогда еще очень и очень далеко. Джону приходилось работать безумно много, чаще всего — просто за гроши. Если сравнить сегодняшние доходы Бон Джови с теми 50 долларами, которые он получал в начале своей карьеры, разница будет колоссальной. Сам Джон всегда говорил, что он работает не для денег, а ради самосовершенствования.

Успех в полном понимании этого слова пришел к группе около пяти лет назад после выпуска очень характерного для творчества Бон Джови альбома под названием «7800 градусов по Фаренгейту», на котором заводные рок-н-роллы перемежались с мягкими нежными балладами, одна из которых — «Silent Night» («Тихая ночь») — написана, по словам Джона, на основе собственных переживаний и личного опыта и до сих пор пользуется большой популярностью.

За относительно небольшой период существования у группы за плечами оказались 25 миллионов проданных пластинок и тысячи километров гастрольных дорог. Теперь прежние кумиры Бон Джови играют с ним в одних концертах, а открыванием для публики новых команд



занимается сам Джон. 1989 год стал для группы годом турне по Европейскому континенту, в гастрольный маршрут которого входила и наша столица. Всем рокерам памятен фестиваль мира в Москве. На пресс-конференции Джона спросили: «В каких еще фестивалях приходилось участвовать вашей группе?»

— Их было очень много. Помню, были фестивали в пользу фермеров, в помощь детей, убежавших из дому, потом опять в пользу фермеров. Этот, конечно, особый. Я думаю, вся группа запомнит его надолго.

Состав, который приехал участвовать в Московском фестивале мира, был тот же, с которым Джон начал свою карьеру, но это уже были люди огромного опыта, хотя все и довольно молодые: самому Джону тогда было 27, гитаристу Ричи Самбора — 28, так же как и клавишнику группы Дэвиду Брайену. Самыми «старыми» были ударник Тико Торрес — 35 лет и басист Алек Джон Сач — 33.

Конечно, в качестве «хеви» на фестивале группа звучала легче, чем Оззи Осборн или даже «Скорпионз», но незаурядное мастерство музыкантов, умение Джона Бон Джови найти контакт с публикой сделали свое дело — финал концерта воспринимался как замечательное шоу. Огромному стадиону нисколько не помешал языковой барьер, песни группы прошли, как у нас принято говорить, «на ура».

Кстати, на той же пресс-конференции под смех присутствовавших был задан и такой вопрос: «Джон, ты являешься выходцем из итальянской семьи, так не объясняется ли твой успех происками мафии?»

И так же в шутку Джон Бон Джови ответил, что он, наверное, является последним из своего клана, поскольку не чувствует этого влияния. «А вообще, я стараюсь сделать так, чтобы любому человеку, пусть даже сидящему где-нибудь в наипредпоследнем ряду, казалось, что я разговариваю именно с ним».

Некоторые музыкальные критики на Западе иногда пытаются связать успех Бон Джови то с двоюродным братом Джона — Тони, который известен в сфере граммафонного бизнеса, то с кем-то еще, кто бы мог повлиять на рост популярности музы-

канта. Несомненно одно — успех, вернее, его причины кроются в постоянной кропотливой работе над текстами и музыкой, шоу на сцене, звуком и многими другими составляющими, которые делают популярнейшим во всем современном мире музыки коллектив под названием «Бон Джови».

Сергей МОЗГОВОЙ.

Адрес фан-клуба группы: с/o Polygram Records, 180 Seventh Avenue, New York, N. Y. 10019, USA.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС-2

Перегасов в колоду

ОТ РЕДАКЦИИ. Почта, которая по-прежнему щедро приходит в адрес музыкальной редакции, убедительно доказывает, что группа «Ласковый май», как и раньше, продолжает занимать сердца многих меломанов. Некоторый ажиотаж со временем спал, в большом количестве выходят магнитоальбомы, даже «Мелодия» расщедрилась и выпустила диск группы. Вроде все нормально... Но письма просят, умоляют — расскажите, что там (в группе) происходит, кто пришел, кто ушел и почему. Отказать в праве нашим читателям на получение информации мы не можем. В первом номере «Пульса» вам предлагается небольшое обозрение из жизни «Ласкового мая» образца прошедшего года. Редакция оставляет все суждения и комментарии автора этого материала на его совести.

«Ласковый май»... Поразительная группа, о феномене которой можно говорить сколько угод-



но. Группа, за довольно короткое время покорившая огромное количество подростков своими незамысловатыми, может, даже наивными песнями, из которых почти все входили или входят в многочисленные хит-парады страны.

Что же он такое, «Ласковый май» конца прошлого года, загадочный своими кадровыми перестановками и спорами об авторстве собственных программ?

Непосредственно, конечно, это — Андрей Разин и Юра Шатунов. Только эти два человека могут в полной мере представлять нашу шумевшую сиротскую группу, хотя наибольшая заслуга в успехе «Ласкового мая», несомненно, принадлежит Андрею. Именно он открыл для всех любителей попсы новую звезду. Кто читал книгу Разина «Зима в стране «Ласкового мая», знает, чего это ему стоило.

Затем в «Мае» появляются и другие солисты, почти сразу ставшие новыми кумирами подростков, — Костя Пахомов, Андрей и Юра Гуровы, Олег Крестовский, и все это, конечно, не без самого непосредственного участия Разина.

Константин Пахомов в конце 1989 года оставил «Ласковый май», предпочтя сольную карьеру. Кстати, начал он ее с публичных разоблачений руководителя студии Разина. Так или иначе, эти выступления сделали ему хорошую рекламу.

На концертах Костю везде встречают бурей аплодисментов и криком девчат, так что о его успехе можно не говорить, там все нормально. Да и Разин не особо обижался за скандалы, видимо, понял, с кого бывший солист «ЛМ» брал пример...

Уход Пахомова вместе с барабанщиком Сергеем Серковым не застал Разина врасплох. К тому времени ему удалось набрать новых артистов — там были композитор и певец Володя Шурочкин, который недавно тоже покинул студию и сделал собственную группу, и Андрей Гуров, солист очень юный, но показавший себя в творческом плане человеком талантливым и трудолюби-

вым. А на место, с которого ушел Пахомов, чтобы заделать образовавшуюся в составе брешь, Разин приглашает «неисправимого лирика», семнадцатилетнего Олега Крестовского, дебют которого состоялся в начале прошлого года в телемарафоне.

Поистине загадочен Разин — набрав, кажется, вполне достаточное количество новых людей, он не останавливается. Клавишник Юра Гуров? Оставь в покое клавиши, давай к микрофону. И Андрей снова попадает в «десятку». Новый вокалист сразу становится очередным кумиром тинейджеров, записав три песни, тут же ставшие хитами.

Все, что ли?

Стоп, говоря о других, мы как-то упустили из внимания второго представителя «ЛМ» — первого и наиболее яркого солиста Шатунова. Правда, он на какое-то время исчезал со сцены... Специально для всех поклонников группы: Юра Шатунов не ушел и не уходил из «Мая». Он всего лишь находился в творческом отпуске. Этот отпуск он проводил там, где он сейчас живет, — в Сочи. В этом городе он купил себе дом и живет там вместе с бабушкой. Кстати, о родственниках — что-то говорят про двоюродного брата Юры — Сашу, который тоже собирается работать в группе «Ласковый май». Время покажет...

Очень не хочется огорчать московских поклонников группы, но, видимо, придется. Дело в том, что Шатунов теперь очень редко будет появляться в Москве, только по вызовам Андрея Разина.

Оксана ЛАПИНА.

Р. S. Прошедший год группа закончила в составе солистов: Андрей Разин, Юрий Шатунов, Андрей и Юрий Гуровы, Олег Крестовский, Михаил Сухомлинов, Сергей Ленюк.

Игорь Игошин и Саша Прико работают в группе бывшего композитора «ЛМ» Сергея Кузнецова «Мама», а Сергей Серков присоединился к Косте Пахомову.



ФОТО
АКТ

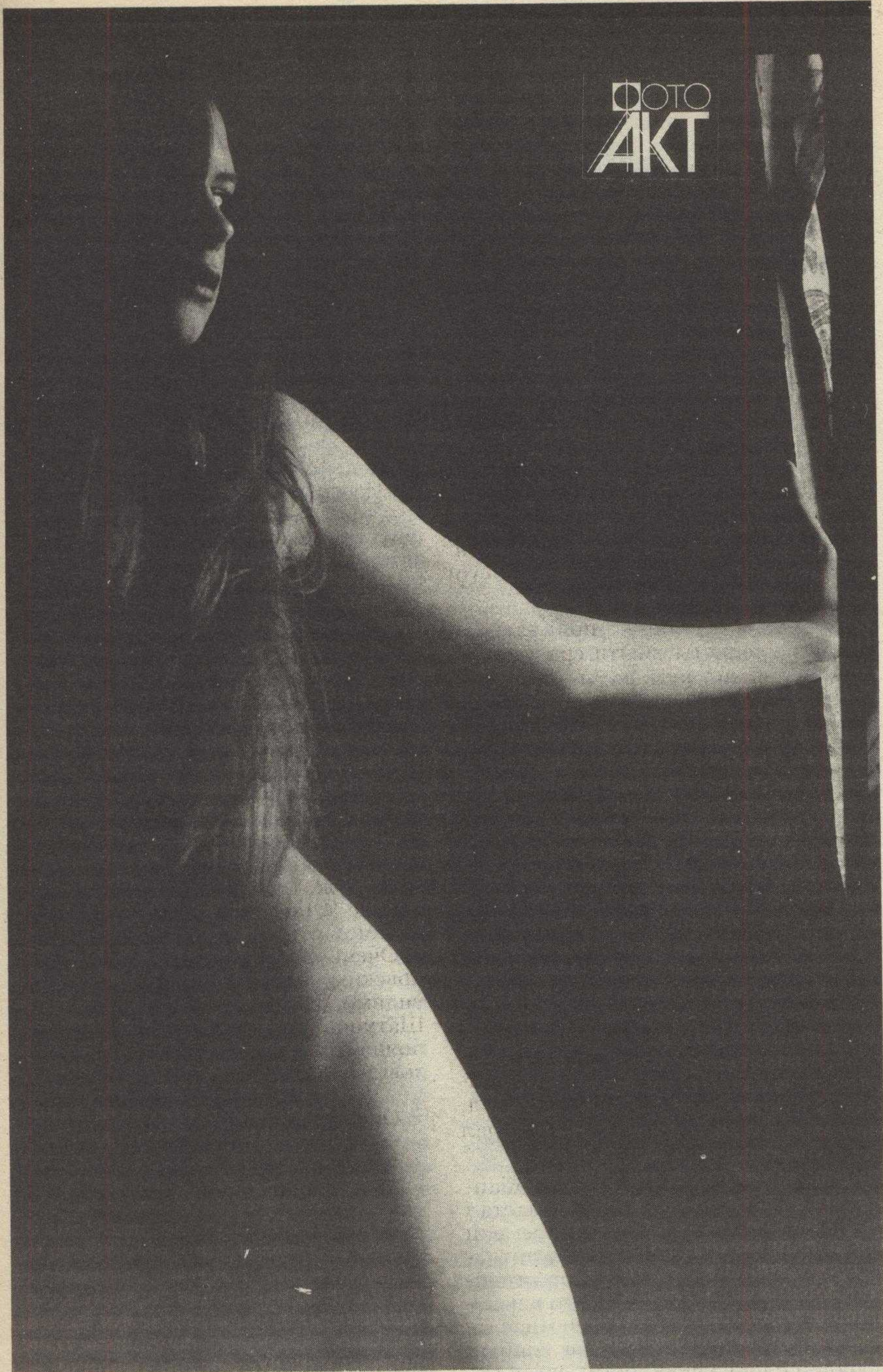


Фото Николая КОНОНОВА.



45

Бег по пересеченной местности

Я болел за этот клуб с тех пор, как помню себя. Что определило мое футбольное пристрастие, не имею никакого понятия, тем более что место и время для такой «болезни» было не самое лучшее. Место — потому что я жил в районе, где вся молодежь фанатела исключительно от «Спартака». Так что мои «красно-синие» цвета были здесь по меньшей мере неуместны. По тем горячим временам появление на улице, я уж не говорю — у стадиона, с «чужой» атрибутикой могло привести к не самому мирному исходу...

Время... Сам ЦСКА, его скачки по турнирной таблице (в основном внизу ее) напоминали бег спортсменов на кроссе — небольшие подъемы сменялись затяжными спусками под горку, потом снова... Несколько лет команда агонизировала под руководством Базилевича, отчаянно пытаясь оставаться в высшей лиге. В ту пору игра цезсковцев напоминала плавание бычков в томате — лениво-тягучее передвижение, полная апатия на поле. Потом на место главного тренера пришел Морозов, и, по-моему, при нем команда благополучно «вылетела» во второй футбольный эшелон под дружное улюлюканье фанатов остальных московских команд.

Годы, проведенные клубом в первой лиге, пересказывать не стоит, все тот же бег по пересеченной местности: вниз — вверх, эти годы — вообще тема отдельного разговора. Так же, как отдельно можно поговорить о том, что все тренеры, приложившие руку к «падению» армейского клуба, не сгнули в футбольном море и сейчас занимают далеко не слабые позиции в отечественном и республиканском футболе. Но речь не об этом.

Прошедший сезон стал триумфом фанов ЦСКА, с лихвой вознаградивших себя за годы отлучения команды от высшей лиги. Перейдя из первой лиги в качестве ее чемпиона, команда резко взяла со старта, практически сразу заняв первую строчку в таблице. Итоги чемпионата вам известны: ЦСКА стал серебряным призером, пропустив вперед только киевских динамовцев и оставив за спиной такие команды, как «Динамо» (Москва), «Торпедо», «Днепр», «Спартак»... Подобный взлет армейцев не мог остаться без внимания — это уже был не элемент кросса с его плавными перепадами рельефа, а что-то из разряда то ли альпинизма, то ли высшего пилотажа.

Корреспондент «Пульса» встретился с главным тренером футбольного клуба ЦСКА Павлом Федоровичем САДЫРИНЫМ и попросил ответить на несколько вопросов:

— Павел Федорович, успех ЦСКА в первом же сезоне в высшей лиге — что это, на ваш взгляд: результат оргнеразберихи в чемпионате, резко возросшее мастерство команды, стирание граней между уровнем игры в лигах?

П. С.: Лично я не считаю, что чемпионат СССР этого года был неразберихой. Скажу даже больше — по сравнению со многими предыдущими он прошел гораздо более организованно. Хотя команд в лиге стало меньше, драматизм встреч, особенно на финише, компенсировал все. Мне кажется, зрители остались довольны прошедшим чемпионатом.

Теперь — что касается нашей команды. Подъем в игре произошел на самом деле, и если некоторым футболистам иногда еще не хватало опыта, то свою роль играл азарт. Ребята очень хотели сыграть хорошо. В общем, я считаю, что место — по игре.

— Многие обозреватели на самом деле отмечали, что игра ЦСКА носила открытый характер, говорящий скорее об азарте, чем о холодном расчете на мастерство. Характерная игра молодой команды. Если я не ошибаюсь, команда — одна из самых молодых и по возрасту?

П. С.: Средний возраст — 24 года, и, если не ошибаюсь, ЦСКА на



третьем месте по возрасту. Хотя... Если «убрать» двух-трех «ветеранов», то, думаю, команда действительно будет самая молодая в лиге.

— За несколько последних лет многие привыкли к тому факту, что ЦСКА — уже далеко не футбольный гранд. И вот успех... Что вам надо было сделать, не удававшемуся предшественникам, чтобы этого добиться?

П. С.: Я не знаком с методами прежних тренеров. Вообще-то несколько лет команда не имела твердого костяка «своих» игроков. Применялась порочная практика, за которую многие не любили ЦСКА: армия призывала на службу талантливых игроков, воспитанников других клубов и направляла их играть в свой клуб. Точнее, отбывать «номер» в течение двух лет. Играл, если помните, за команду Иванаускас — хороший игрок, но что он дал команде?

Первое, что пришлось мне сделать, — попробовать изменить эту практику. Условие игрокам было: хочешь по-настоящему играть за клуб — играй, нет — лучше не надо, расстанемся с миром.

Сегодня команда — твердый состав, всем ребятам дорога честь армейского коллектива.

Скажу не хвастовства ради — по заменам игроков мы в лиге самые стабильные — почти все игры сыграны шестнадцатью основными игроками, это самый низкий показатель среди других команд.

— После того как ЦСКА стал обладателем серебряных медалей, отношение к нему со стороны других клубов примерно понятно. Интересно, как лига принимала команду на старте чемпионата?

П. С.: «Что за выскочки? Дома пару раз выиграли... Ладно, вот съездят в гости, нахватают мячей, поутихнут». А мы съездили — и выиграли. А потом еще. И еще. И когда к концу первого круга мы вышли первыми, это было нами заслужено. И уважения прибавилось.

О результатах чемпионата мы уже говорили. По игре: могли бы даже... Нет, не стать чемпионами, потому что класс киевлян очень высок, что они и доказали в очередной раз. Но — дать им бой покрепче, не позволить стать чемпионами за четыре

тура, а немного попозже — вполне могли.

— Кстати, Павел Федорович, поподробнее об игре с киевлянами на финише. Что случилось — уступить в решающем матче, да еще и с довольно крупным счетом?

П. С.: В той игре мы не были слабее. Даже статистика матча показывает, что тех же голевых моментов у нас было больше. К сожалению, есть такая «болезнь» — неумение реализовывать победные комбинации. Это лечится только опытом.

— Мне всегда было интересно, как тренеры планируют цель сезона перед его началом. Вот вы какую задачу ставили перед командой?

П. С.: А цель была такая — попасть в первую шестерку. Нам казалось, что это вполне выполнимо. И хотя была критика со стороны руководства клуба ЦСКА, насчет «завышения возможностей», с задачей мы справились.

— Если я вас попрошу коротко охарактеризовать линии команды...

П. С.: На мой взгляд, команда имеет хорошие нападение и полузащиту. Выделяются Брошин, Масалитин, Татарчук, Корнеев, Дмитриев. Несколько слабее оборона, хотя и здесь есть сильные игроки, чей класс в последнее время заметно вырос: Быстров, Колотовкин.

Два хороших, но еще недостаточно опытных вратаря. Все.

— Некоторое время назад вы отказались возглавить сборную страны, сославшись на обязательства перед ЦСКА. Давайте предположим, что вы тогда согласились. Кого бы из сегодняшних игроков клуба вы бы призвали под свои знамена?

П. С.: Тех, кто там уже был, то есть Брошина, Татарчука, Диму Быстрова — он стал по-настоящему отличным игроком. Может быть, еще парочку футболистов.

Мне не очень нравится практика Лобановского в плане состава сборной. Во время чемпионата мира в Италии Брошин был в отличной форме, однако его не то что не выпускали на поле, даже не заявляли в стартовый состав. Нынешнего тренера — Бышовца — я очень уважаю, но во время недавних по-



ездок сборной под его руководством, где были и наши игроки, такие случаи тоже были. Такое невнимание «надламывает» игрока, многие возвращаются обиженными, говорят: «Павел Федорович, я больше не хочу играть за сборную, не отпускайте меня».

— Павел Федорович, вопрос напоследок и с заглядыванием в будущее. Вашей команде предстоит в следующем году играть в турнире UEFA. Хватит ли команде полученного за чемпионат опыта, или опять главную роль будет играть азарт молодежи?

П. С.: Ну, мы еще не отказались от желания завоевать Кубок СССР и сыграть в Кубке кубков. Но так или иначе, играть в Европе... Команда старается получить такой опыт, которого все-таки маловато. Играем товарищеские матчи с зарубежными командами. Результаты в общем достаточно обнадеживающие. Будем стараться... Причем, конечно, не только в международных матчах.

От имени «Пульса» беседу вел Юрий РЯЖСКИЙ.



РЕКЛАМА 

Хотите в новом году найти достойную, соответствующую вашей квалификации и пожеланиям РАБОТУ ЗА РУБЕЖОМ?

Если вы твердо решили попытаться счастье за границей, вышлите, пожалуйста, в наш адрес заполненную печатными буквами анкету: фамилия, имя, отчество, семейное положение, состав семьи, домашний адрес, телефон, образование (указать дипломы), место работы, стаж и производственные достижения, дополнительные сведения о себе, ваши пожелания в выборе работы (страна, сфера, специальность, срок контракта).

На основании данных вашей анкеты фирма оперативно осуществит контакт с потенциальными работодателями, биржами труда ведущих стран мира, способными предоставить вам работу по вашей специальности.

Заинтересованный работодатель пришлет вам законное приглашение, возьмет на себя ответственность за оформление документов, расходы по

переезду и обустройству на новом месте жительства вас и вашей семьи. Получив не одно такое приглашение, вы имеете возможность выбрать лучший вариант.

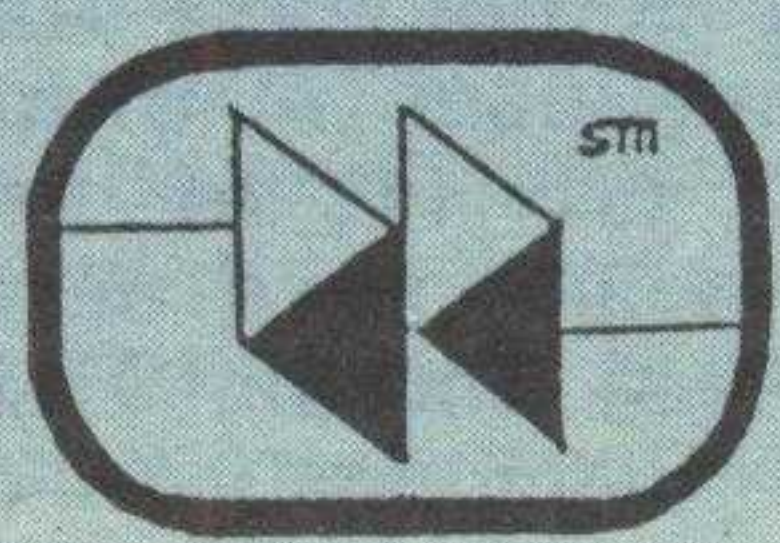
Стоимость услуг по трудоустройству за рубеж — 29 рублей.

Вы вправе потребовать деньги обратно, если в течение 150 дней (с момента поступления ваших денег на расчетный счет фирмы) вы не получите приглашения от работодателя.

Если вы хотите найти друга или партнера для брачного союза, деловых, семейных и других контактов в любой стране мира, фирма вышлет вам анкету службы знакомств с иностранными гражданами стоимостью 5 рублей.

Чтобы воспользоваться услугами фирмы, следует перевести по почте необходимую сумму на расчетный счет фирмы: 000609411 в Дзержинском отд. ПСБ г. Новосибирска, МФО 22483. А ваше письмо с квитанцией оплаты почтового перевода и конвертом с обратным адресом высылайте по адресу: 630049, г. Новосибирск, а/я 41, фирма «Сибмаркет», тел. 26-32-25.

Чем скорее вы напишете, тем больше гарантий вашего успеха!



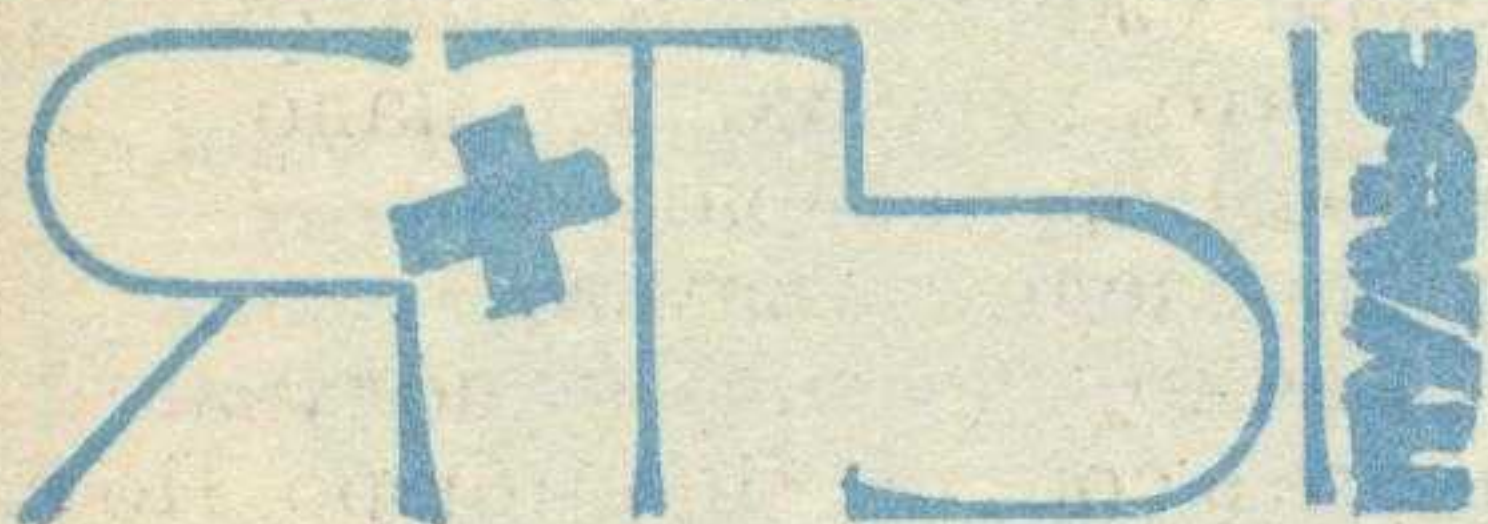
Sibmarket®

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ФИРМА «СИБМАРКЕТ»



КТО ТЫ

ТВОИ УВЛЕЧЕНИЯ



ТВОЙ АДРЕС:

125015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А

**Вырежь
и
пришли
в
редакцию.
Это —
пропуск
в рубрику**

С Новым годом, друзья!

А друзей у рубрики действительно немало — 41 тысяча 238 открыток-заявок пришло нам в 1990 году! Сами понимаете, опубликовать все невозможно. Наклейте талон на ОТКРЫТКУ и отправьте в редакцию (военнослужащие указывают домашние адреса). Некоторым повезет — их адреса опубликуем. Мы очень обрадовались, обретя помощников, — будем надеяться, что все перезнакомимся...

Мой адрес был напечатан в № 15 (1989). Пришло более тысячи писем — спасибо всем! — и среди них письмо моего будущего мужа. Весной мы поженились, и я уехала в другой город. Извините, но всем ответить не смогу. Желаю вам счастья! Леся Подрезова (Ваховская).

НАШИ ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОМОЩНИКИ (перезнакомят всех, вкладывайте конверт) 320040, УССР, Днепропетровск, ж.м. «Тополь»-1, д. 15, к. 3, кв. 116, Владислава Лыскова.

672000, Чита-центр, почтамт, до востребования, председателю заочного клуба знакомств «Друзья по переписке» Заркуа Ю. В.

603011, Нижний Новгород, ул. Июльских дней, 26—2, клуб «Бьющиеся сердца».

714007, Киргизская ССР, г. Ош, м-н «Западный», д. 8, кв. 9, Бурдюг П.

708016, Узбекская ССР, г. Джизак, ул. Красноармейская, 49-1, Саша Капитонова.

624470, Свердловская обл., г. Североуральск, ул. Молодежная, 8—11, Уласович Е. В. для клуба «Шанс».

344074, Ростов-на-Дону, ул. Днепропетровская, 18, клуб знакомств, М. Тимофеева.

278700, Молдова, г. Чадыр-Лунга, ул. 8-го Марта, 21, М. Гарчу.

262012, Украинская ССР, Житомир, пер. Табачный, 5—24, Наталья Гаенко.

474424, Казахская ССР, Целиноградская обл., п. Селета, ул. Шевченко, 9/2, Вероника Жумабекова.

353900, Краснодарский край, г. Новороссийск, п. Цемдолина, 8-я щель, ул. Войкова, 1, Марина Мельникова.

413800, Саратовская обл., г. Балаково-25, ул. 60 лет СССР, 28—167, Фаина Атипина.

467007, Казахская ССР, Кызыл-Орда, ул. Привокзальная, 28/3, Наталья Денисова (КИД «Меридиан»).

ПЕРЕЗНАКОМЛЮ

...любителей современной музыки. 211868, Белорусская ССР, Витебская обл., Поставский р-н, д. Ярево, ул. Молодежная, 1—2, Ольга Тарасевич.

491600, Казахская ССР, Семипалатинская обл., г. Аягуз, ул. Чехова, 24—2, Светлана Вовк.

662800, Красноярский край, г. Минусинск, ул. Ботаническая, 49—6, Наталья Карцева.

168090, Коми АССР, Усть-Куломский р-н, с. Момоздино, д. 101, кв. 1, Виктория Карманова.



НЕ ХОТИМ

Из репертуара
рок-группы «Мастер»

Стихи Н. КОКОРЕВОЙ
Музыка А. БОЛЬШАКОВА

Кровь Магомета течет по кресту.
Значит, у каждого вера своя.
Пусть мусульмане не верят Христу.
Нас рассудит высший судья.

Мы поклоняемся разным богам,
но хором пропели Осанну войне.
Вопли калек, как укор небесам.
Что мы искали в чужой стороне?

ПРИПЕВ: Мы не хотим умирать!
Мы не хотим убивать!
Мы не хотим воевать!
Мы не хотим!..

В зыбких песках догнивают одни,
пламя костров погасило других.
Поняли всю бесполезность войны
те, кто случайно остался в живых.

ПРИПЕВ.

Мы им несли священный завет
на острие рокового меча.
Но сарадины ответили: нет,
эта одежда с чужого плеча.

ПРИПЕВ.

Очень быстро

Кровь Ма-го-ме-та течёт по крес-ту.

Значит, у каж-до-го ве-ра сво-я. Пусть му-суль-ма-не не
ве-рят Хри-сту. Нас рассудит выс-ший судья.

Мы не хо-тим умирать! Мы не хо-
Мы не хо-тим убивать!
-тим вое-вать! Мы не хотим!..



ОБОРОТЕНЬ

ПО МОТИВАМ РОМАНА К. САЙМАКА
"ПРИНЦИП ОБОРОТНЯ"



Продолжение следует.



КРОССВОРД

с секретом

Некоторые наши читатели упрекали нас в том, что большинство наших кроссвордов в прошлом году были посвящены рок-музыке. Сегодня мы решили сделать подарок тем, для кого поп-музыка дороже.

Отгадывая кроссворд, обращайтесь внимание только на черные числа в верхнем левом углу клеточек. Когда кроссворд будет решен, выпишите буквы, помеченные цветными числами от 1 до 11. То, что получится, напишите на открытке (без конверта) и пришлите в редакцию. Открытки будут участвовать в лотерее, победитель получит приз.

Приз за ответ на кроссворд из последнего прошлогоднего номера — книга «Женская магия» — выслан М. Перовицикову из села И. Зятцы Удмуртской АССР.

По горизонтали: 1. Певец, победивший на конкурсе «Юрмала-88». 4. Исполнитель песни «Студент». 8. Германская разменная монета. 11. Видеоклип с Майклом Джексонем, награжденный «Оскаром». 14. Переложение оперной партитуры для фортепьяно. 15. Река в Грузии. 16. Марка советских самолетов. 17. Персонаж романа В. Гюго «Отверженные». 18. Певица, исполнительница песни «Милый мой, твоя улыбка...». 20. Лекарство, снотворное. 21. Нота. 22. Горный хребет на острове Хонсю. 23. Характер. 24. Ядро атома, отличающееся числом ней-

тронов. 27. Автор книги «Искусство быть собой». 28. Озеро в Горном Алтае. 30. Основатель французской фирмы, выпускающей товары для женщин.

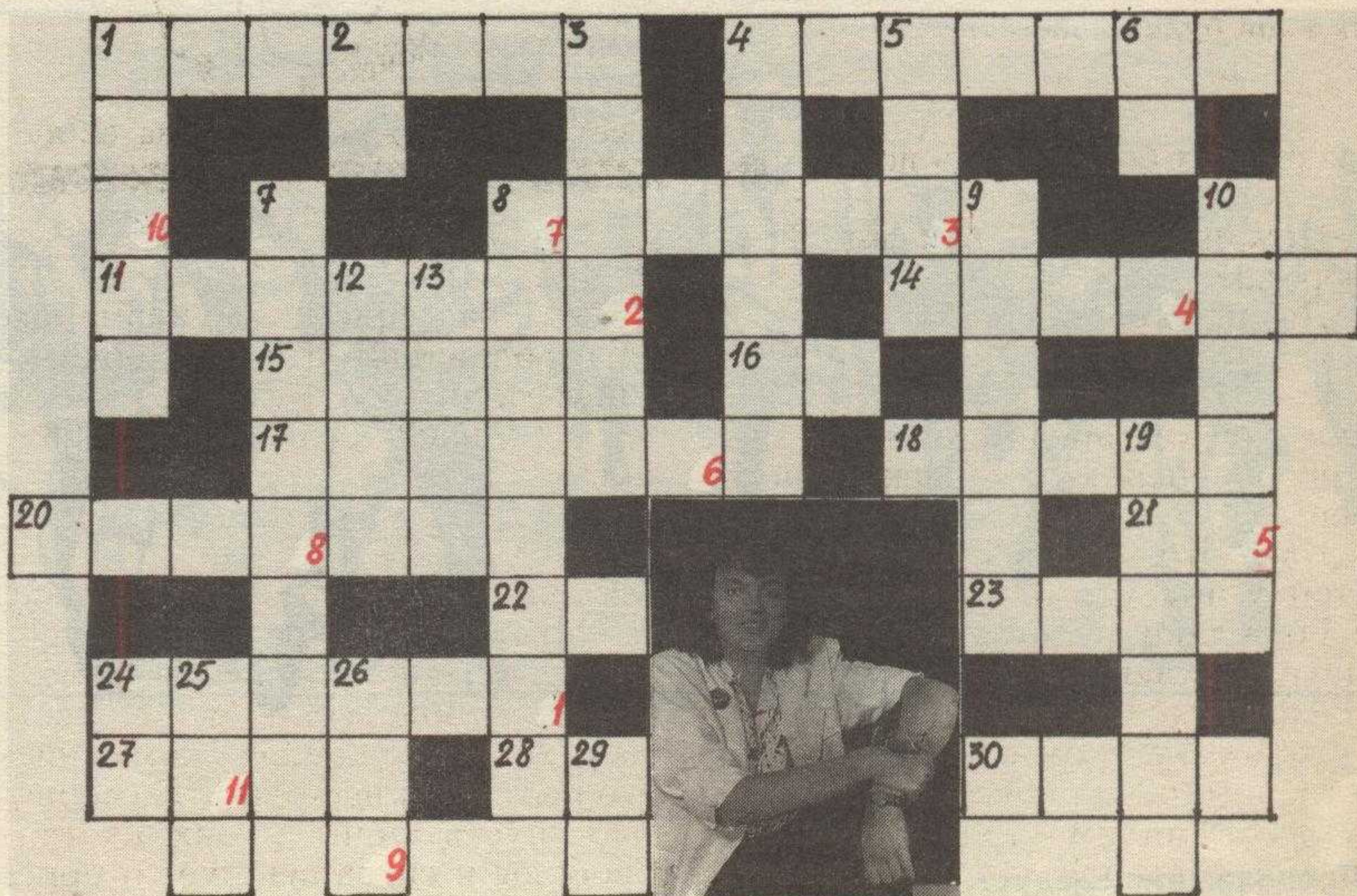
По вертикали: 1. Цвет шерсти у лошади. 2. Спутник Юпитера. 3. Поделочный камень белого и зеленого цвета. 4. Денежный знак. 5. Поэт в Афганистане. 6. По-испански — «сегодня». 7. Исполнитель песни «Кармен». 8. Жена Одиссея. 9. Певец, исполнитель песни «Ты не ангел». 10. Певец, автор русских текстов к зарубежным песням. 12. Город во Франции. 13. Исполнитель песни «Плот». 19. Отверстие в радужной оболочке глаза. 24. Административно-территориальная единица в Турции. 25. Левый приток Амура. 26. Категория в систематике животных. 29. Рабочий и молочный скот в Тибете.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 23—24

По горизонтали: 2. Манэ. 9. Гребенщиков. 12. Под. 14. Амбре. 15. Левине. 18. Фавр. 19. Альтист. 20. Кюи. 22. Шерер. 23. Орск. 25. Аракан. 26. Ося. 28. Варан. 29. Олеша. 32. По. 33. Вуд. 34. Сю. 36. Гарпунер. 37. Чад.

По вертикали: 1. Юг. 2. Мемфис. 3. «АББА». 4. Нерв. 5. «Энергия». 6. Мина. 7. Большаков. 8. Контрабас. 10. Ра. 11. Ветер. 12. Писек. 13. Де. 16. Вира. 17. «ЭКО». 21. Юрмала. 24. «КОАПП». 27. Сноу. 30. «Луч». 31. Еда. 35. Ют.

«Террорист», «Я получил эту роль».



АТС (Адна тетка сказала)

Из советского политического фольклора

Гласность, говорят, пока единственное реальное завоевание перестройки. Весомая или нет ликвидация лишь одного дефицита — пускай наиважнейшего — на фоне всех остальных дефицитов, тем более для пятилетнего срока? Мнения на сей счет разделяются. Но, может быть, не станем все-таки преуменьшать значение и того факта, что (раз уж коснулись сроков) за публикацию даже политических анекдотов они нам теперь не грозят.

Как и всякие явления фольклора, анекдоты эти не имеют конкретных авторов (по крайней мере, имена и фамилии их не могли установить даже компетентные органы). Некоторые в тех или иных вариантах вы, возможно, уже слышали.

Остается добавить, что не сдерживаемое цензурой меткое народное слово становится подчас нецензурным в подлинном смысле. Как относиться к этому? Вопрос опять-таки спорный, но, думаем, лучше все-таки без ханжества. Сама редакция, впрочем, полного написания таких слов будет избегать.

● Два старых большевика вспоминают:

— Помнишь, Вася, как мы Зимний брали?

— Да, погорячились...

● Двое русских предстали перед судом по обвинению в избиении двух евреев.

— Как это произошло? — спрашивают у подсудимых.

— Граждане судьи, распили мы поллитру, включили радио. Они — под Газой. Распили еще поллитру — они уже на Суэцком канале! Пошли в гастронорм, взяли еще одну, распили тут же... Глядим — они уже здесь, возле метро стоят!

Н. С. Хрущев посетил свиноферму. В редакции «Правды» обсуждается текст подписи под фотоснимком, который нужно поместить на первой полосе. Отвергаются варианты «Товарищ Хрущев среди свиней» и «Свиньи вокруг товарища Хрущева». Наутро читатели видят под фотографией подпись: «Третий слева — товарищ Хрущев».

● — Что такое черная икра?

— Это вкусный и полезный продукт, которым питается народ устами своих лучших представителей.

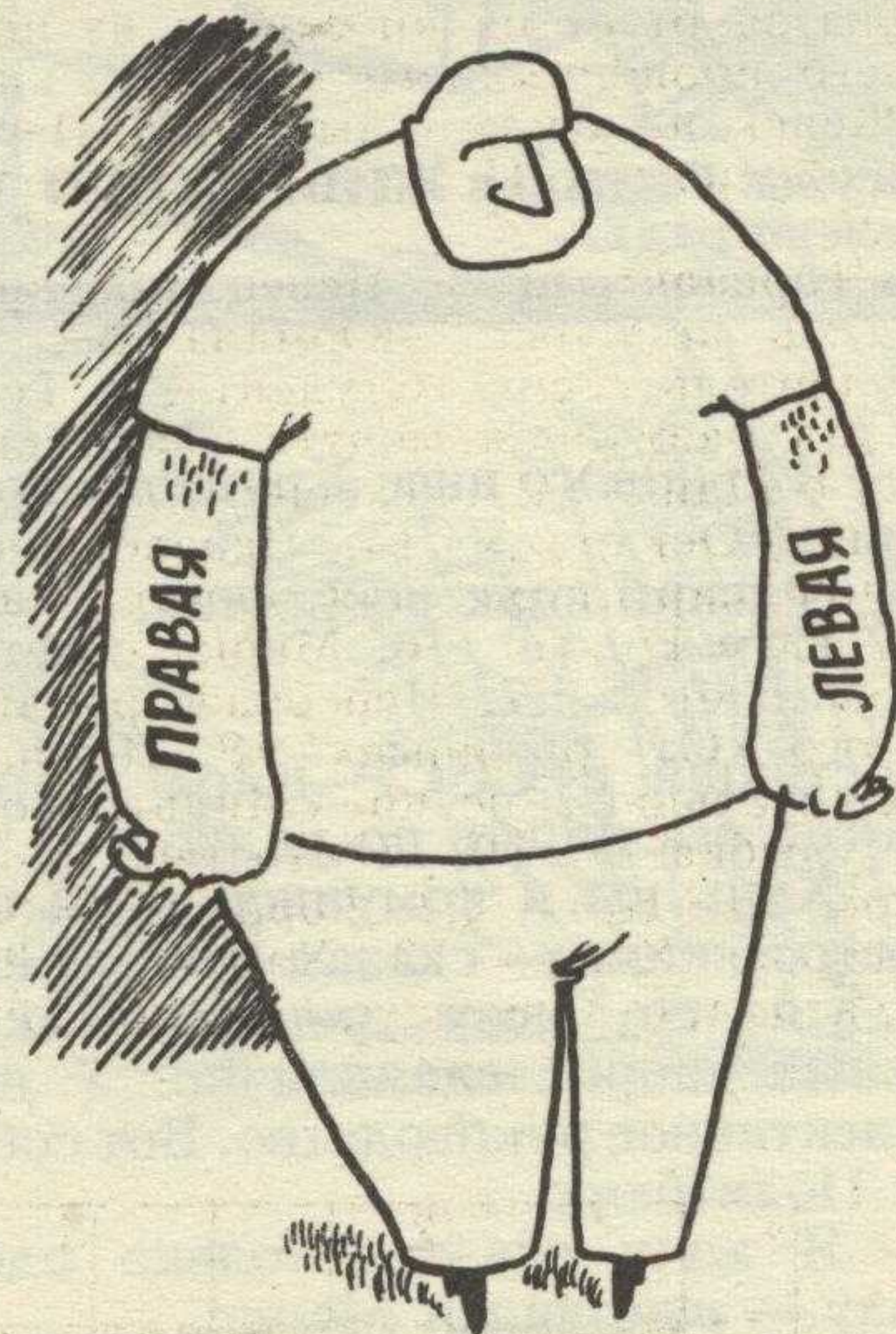


Рисунок Леонида Воробьева (Шяуляй)

● — У нас при коммунизме всего будет вдоволь! — говорит обкомовский лектор.

— А у нас? — раздается вопрос из зала.

● Рабинович работает в самом сердце Москвы, в Кремле. Он сидит на Спасской башне и смотрит вдаль, чтобы вовремя оповестить всех о приближении коммунизма. Его пытаются переманить американцы — пусть сидит у них на статуе Свободы и сигнализирует о прибли-



жении экономических кризисов.

— Нет, — говорит Рабинович, — мне нужна постоянная работа.



Рисунок Геннадия ЖИВУЦКОГО
(Зеленоград)

● — Что нового внес Хрущев в коммунизм?
— Мягкий знак после «з».

● Гостиный в СССР Карл Маркс захотел выступить по радио.

— Хучь вы и комунистисский основоположник, — сказал ему Брежнев, — я не могу решить такой важный вопрос единолично. У нас коллективное руководство. Вот соберем Политбюро...

— Я хочу сказать только одну фразу, — взмолился Маркс.

Это Брежнев разрешил ему под свою ответственность. Маркс подошел к микрофону и прокричал:

— Пролетарии всех стран, простите меня!

● — Что такое 40 зубов и 4 ноги?
— Крокодил.
— А что такое 4 зуба и 40 ног?
— Политбюро.

● Из ЦК звонят на БАМ: на стройку едет американский журналист, его нужно поселить там, где бытовые условия строителей магистрали века были бы приличными. Выясняется, что таких нет.

— Ладно, черт с ним, пускай клеветает! — сдается начальство.

Ежемесячный общественно-политический иллюстрированный журнал для молодежи

В 1920—1990 годах журнал выходил в свет под разными названиями.

Главный редактор — Игорь ШЕСТОПАЛОВ.
Редакционная коллегия: Алексей АНАНЬИН (заместитель главного редактора), Андрей БЕЛЯКОВ (редактор отдела социальных проблем молодежи), Александр ЖЕРЕБЦОВ (главный художник), Анатолий ЛОЖКИН (заместитель главного редактора), Тамара МАРАКУЛИНА (ответственный секретарь), Дмитрий РУНГЕ (редактор отдела политики и молодежных движений).
Заведующий отделом музыки, спорта, досуга — Юрий РЯЖСКИЙ.

Технический редактор — Ирина МАКСИМОВА.

Музыкальный редактор — Андрей ДЕРЖАВИН.

Мнения авторов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.

Телефон для справок: 285-07-41

Реклама в «Пульсе» и «Пульс-Информе» — 285-37-78.

Связаться с музыкальным редактором вам помогут по телефону: 356-03-04.

Учредители — редакционная коллегия журнала «Пульс», ЦК ВЛКСМ, ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Сдано в набор 16.11.90. Подп. в печать 10.12.90. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная № 2. Усл. печ. л. 4. Усл. кр.-отт. 10. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 540 000 экз. Заказ 2240. Цена 40 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 125015, Москва, Новодмитровская, 5а.

«Пульс», 1991, № 1.



РАЗ В ГОД В СКИРОАВЖАЖ



Клубук проснулся. Он вяло вылез из гнезда, где еще спала кабаниха и почти взрослые поросята, чавкающие сквозь сон своими теплыми косматыми рыльцами. Он отряхнул с крыльев иней, переступил с лапы на лапу и, слегка нагнув голову, вытаращил свои выпуклые глаза, чтобы, как каждый день, высматривать струйки дыма из трубы дома на полуострове. В это время Гертруда Маккух разжигала у доктора кухонную печь, а направляясь к нему на полуостров, оставляла на заборе кусочек хлеба. Но сейчас, в декабре, возле забора уже ждали прожорливые сойки, и Клубук знал, что хлеба он не получит. Надо будет идти с поросятами аж на пашню, где охотники разбросали полугнилые и мерзлые

картофелины. Впрочем, дыма видно не было, как и трубы, и дома, и даже озера, которое узким языком отделяло полуостров от ольшанных болот. Над топиями висел туман, хотя день обещал быть морозным; туман превращался в белые иголки и понемногу осыпал взъерошенную щетину кабанов, стволы вывороченных ольшин, засохшие болотные травы и поломанные палки тростников. В туманном воздухе царила тишина, будто лес отдыхал после ночной завирухи; озеро замерзло бесшумно, так же, как беззвучно с каждым годом все глубже погружалась в болото башня большого танка, и уже только кончик его орудия торчал из травы в том месте, где дикая свинья с поросятами устроила себе логово. Беззвучно в грязь и ил превращались кости солдат, кожаные заплечные мешки, жестяные манерки и гильзы от стреляных патронов. Никто этого не видел, потому что только Клобук и кабаны не боялись ходить на это болото над озером. Каждый год лесничий Турлей грозился, что зимой вырубит ольшины на болотах, но еще не было такого года, чтобы туман даже в большой мороз не лизал влажным языком кабаньих шкур и не сыпал на них белую пыль инея.

Не получит этим утром Клобук своего куска хлеба, не поспеет на птичьих лапах к забору, прежде чем высмотрят Макухову сойки, застывшие на ветвях старой яблони в саду доктора. Впрочем, ему не хотелось так далеко идти, перебираться через вывороченные стволы и поскользнуться на замерзших лужах. Он ощущал усталость, как будто побывал в чьих-то мучительных снах. Еще раз он захлопал крыльями, сбрасывая с перьев остатки белой пыли, и снова забрался в логово, между теплыми телами поросят, отвернув клюв от их дыхания, пропитанного запахом грязи и прелой листвы. Так кончилась ночь с ее таинственной сменой картин и событий, боли и наслаждения, рождения и смерти, страха и надежды, которые стекались в великом потоке человеческих снов. Где-то за лесом понемногу вставало солнце, и, охваченная предчувствием наступающего дня, черная корова Юстыны заглянула в кормушку, мягкими ноздрями дохнула в пустоту, а потом страдальчески замычала, наполняя страхом молодую женщину, которая спала за тонкой кирпичной стеной. Корова больше уже не мычала, но Юстына все прислушивалась, потому что для нее это был зловещий голос очередного дня, очередной ночи, и снова дня, и снова ночи, когда смерть увеличивает свои шаги.

...Этой ночью Юстына шла обнаженной в хлев, чтобы подоить свою черную корову. На балке под потолком сидел коричневый петух с коралловым гребешком. Он упал на нее и с огромной силой повалил на еще теплый навоз. Как в гнезде, он уселся между ее раздвинутыми бедрами, и его маленький, похожий на наперсток отросток набух от крови, как мужской член, и вошел в нее. Она почувствовала наслаждение и не хотела защищаться. Петух обнял ее бедра пушистыми крыльями, любовно положил на грудь маленькую головку с острым клювом и коралловым гребешком, который Юстына начала ласкать кончиками пальцев, чувствуя, как все сильнейшее наслаждение пронизывает ее тело. По быстрым и напористым движениям в себе она догадывалась, что скоро почувствует нежный удар белой жидкости, которая наполнит ее и оплодотворит. У нее перехватило дыхание, ее облил пот, она слышала бульканье в птичьей горле, будто бы петух хотел через мгновение разразиться громким пением. И тогда в хлев вбежал Дымитр с вилами в руке, ударил петуха на ее лоне, пробил его тремя острыми зубьями, теплая кровь потекла на раздвинутые бедра Юстыны. «Дымитр!» — крикнула она. Но муж спал здесь же, возле нее, под клетчатой периной, и тихо похрапывал. Всегда он похрапывал, когда на ночь напивался водки. «Дымитр», — сказала она тише, потому что не хотела, чтобы муж проснулся. Память о том, что было минуту назад, снова разбудила в ней желание. Левой рукой она коснулась лба, правую сунула под перину. Она лежала с задранной рубашкой, бедра ее были мокрые и липкие, а когда кончиками пальцев она тронула там, где мучило ее полное боли желание, ей показалось, что она снова прикасается к коралловому гребешку. За стеной замычала корова, и Юстына осознала, что приближается рассвет, а потом наступит день, а после дня ночь, и снова рассвет. Подумала, что сейчас она должна встать и пойти в хлев подоить корову. Ей было интересно, ночует ли на балке под потолком большой коричневый петух. Кончиками пальцев она любовно гладила коралловый гребень, наслаждение



в ней нарастало. Снова у нее перехватило дыхание, что-то содрогнулось внутри несколько раз, будто огромный змей свернулся в ней и распрямился. Дважды пробежала по ее телу нервная дрожь, может, она даже дернулась на кровати, но тут же замерла, и только дышала все медленнее и спокойнее, не чувствуя уже боли желая. Но осталось впечатление пустоты, потому что в ее лоне не хватало белой жидкости. Была она, как дупло, в которое Дымитр ночь за ночью лил семя, и до сих пор там ничего не завязалось. Этот большой петух хотел наполнить ее своим семенем, только короткого мгновения не хватило. Дымитр убил его вилами, хотя, если бы он пришел чуть позже, она уже была бы сыта и полна. Дымитр храпел, как всегда, когда вечером напьется водки, он даже не знал, что убил прекрасного петуха с коралловым гребешком. А старая Макухова, которая служила у доктора, говорила ей вчера: «Если увидишь, Юстына, под кустом мокрую курицу или петуха, то возьми его домой и устрой ему место в бочке с пером. На завтрак приноси ему яичницу, и он будет тебе служить, потому что это Клобук». За стеной снова заревела черная корова, Юстына высунула босые ноги из-под перины и, прикоснувшись к грязным доскам пола, задрожала от холода. Рубахой она вытерла бедра, сунула ноги в валенки и пошла к печке, чтобы разжечь огонь.

О разных знаках на небе и на земле, которые предвещали то, что должно было случиться

Январь в Скиролавках — один из холоднейших месяцев в году. Средняя температура колеблется около минус 3,5 градуса по Цельсию, сумма осадков составляет около 40 миллиметров, а влажность воздуха 85 процентов. Это точная информация, потому что возле школы в Скиролавках находится за ограждением из сетки маленькая метеостанция — три белые будки на высоких ножках, — а учительницы обязаны точно и ежедневно проверять данные. В Скиролавках бывает значительно холоднее, чем в столице (2,9 градуса по Цельсию), что указывает на то, что они лежат на севере страны, но не очень далеко.

В январе в Скиролавках солнце всходит около 7.40 утра и заходит около 15.30 вечера. День продолжается неполных 8 часов, а значит, он более долгий, чем в декабре, благодаря чему, как утверждает священник Мизерера из Трумеек, дьявол уже не имеет такого легкого доступа к человеку. В январе Ян Крыстьян Неглович, врач, о котором писатель Любиньски говорит, что он — «доктор всех наук лекарских», потому что такой титул вроде бы носили когда-то лекари в этих краях, советует своим приятелям, чтобы для улучшения самочувствия они читали Аристотеля «О возникновении животных» и пили отвар из цветков липы мелколистной — в соответствии с рецептом: ложечка цветов на две трети стакана горячей воды; принимать два и даже три раза в день по полстакана как «стомахикум» и «спазмолитикум», а также перед сном как «диафоретикум». Доктор сам, однако, не пьет отвара из цветов мелколистной липы, зато все в селе знают, что в январе он просит свою домохозяйку, чтобы к обеду она подавала ему компот из слив: «С той сливы, Гертруда, которая растет в левом углу возле забора». Что же касается друзей доктора, то комендант отделения милиции в Трумейках, старший сержант Корейво также не любит отвара из мелколистной липы, а чтением его остается еженедельник «На службе народа»; писатель же Любиньски не читает ничего, кроме «Семантических писем» Готтлоба Фреге, а липовый чай вызывает у него отвращение, и, может, поэтому он не засыпает без таблетки реланиума. Художник Порваш пренебрегает всеми советами доктора и в месяцы, когда бывает в Скиролавках, а не в Париже и не в Лондоне, вообще ничего не читает, а пьет чистую водку и рисует тростники над озером. Что касается священника Мизереры из прихода Трумейки, то, кроме требника, его любимым чтением остается сочинение св. Августина «Против языческих книг XII», наивкуснейшим же напитком — чай со спиртом.

Скиролавки, используя стародавнее определение, имеют аж 34 дыма, а считая выселки и одиноко разбросанные усадьбы, такие, как Ликсайны, Байтки или лесничество Блеса, насчитывают 45 дымов и 229 душ, заблудших,

впрочем, и дающих, как утверждает священник Мизерера, легкий доступ дьяволу и его приспешникам, потому что многие живут неправедно и в безверье. Еще хуже недоверков те, которые ревизуют Священное Писание, или те, кого можно подозревать в языческой практике, которой способствует таинственный сумрак тянующихся вокруг лесов, печаль озер, меланхолия трясин.

В Скиролавках есть такие, кто живет здесь от деда-прадеда, как, например, старый Шульц и Крыщак, Пасемки, Вонтрух, Миллерова, Малявка, Вебер или Макух, а также такие, кто прибыл сюда сразу после войны, — Негловичи, Кондек, Галембка, Слодовик, Порова. Еще другие, такие, как Севрук, приехали в Скиролавки пятнадцать или чуть больше лет тому назад. Писатель Любиньски, лесничий Турлей и художник Порваш живут в Скиролавках значительно меньше.

Некоторые люди — простые, едва умеют читать и писать, другие имеют за плечами титулы и факультеты, знания кипят у них в головах, как суп в кастрюле. А все-таки связывает этих таких разных людей какая-то таинственная общность. С бегом времени как бы одурманило и заморочило их всех дыхание затуманенных лугов и трясин, закралась в их сердца печаль озер, а мысли пронизал сумрак дремучих лесов, рождая в них нелюбопытство к остальному миру и к тем, которые живут в огромных городах, с квартирами, как гробики. Утвердилось в них и ничем не обусловленное и ничем не подкрепленное убеждение, что только то можно считать важным и полным значения, что делается у них, в Скиролавках, Байтках и Ликсайнах, что рождается и умирает на их полях, называемых по-стародавнему «лавками». Вокруг, впрочем, много деревенок с похоже звучащими названиями — Скитлавок, Гутлавок, Пилавок, Неглавок, Ронтлавок, Юблавок, Белолавок. Не имеет это, впрочем, никакого значения для жителей Скиролавок, хоть им не чуждо чувство истории. Но, как утверждает старый Отто Шульц, «берегитесь, потому что время коротко».

А так как время коротко, торопись, человек, и сохрани душу свою. Очертания этого света минут, будь поэтому пилигримом на этом свете.

У Отто Шульца — седая борода, которая ниспадает ему на грудь, как у других белая салфетка, когда они садятся обедать. У доктора Негловича — чуть седые виски. Поэтому старый Шульц смело стучится в двери доктора, чтобы накануне Нового года спросить:

— А почему это время такое короткое, Янек? Потому что за ним стоит вечность, о которой нам немного известно. Вечность — это не только приближение бесконечности времени, потому что время и вечность отличаются друг от друга. Время бывает отдано семени, а вечность приносит плоды и жатву без конца. И по той причине, что время коротко, я прихожу к тебе с напоминанием, как к Лоту: «Поспешай», «Спасай душу свою».

Доктор Неглович завязывал галстук перед зеркалом в своем салоне, где стояла черная гданьская резная мебель, которую расставил тут еще его отец, хорунжий Станислав Неглович, а была она когда-то собственностью князя Ройсса. В большом зеркале отражался свет хрустальной люстры, а также фрагмент черного буфета и белая грудь рубашки доктора. Зеленоватая печь на красиво выгнутых кафельных ножках рассеивала приятное тепло, которое казалось каким-то чудесным явлением и позволяло забыть о пятнадцатиградусном морозе на скованном льдом озере за окном.

Коричневый гладкий галстук позволил завязать себя большим узлом. Как острая стрела, он рассекал белизну сорочки от шеи вниз. Доктор с удовлетворением посмотрел в зеркало, потом повернулся к Шульцу, наклонил голову и смиренно сказал:

— Хлеб наш насущный дай нам днесь.

— Аминь, — ответил Шульц.

И тогда доктор — как каждый год — вынул из буфета хрустальный графинчик с вишнежкой и два высоких бокала на тонких ножках и разлил по немногу кровавого напитка.

— Хороший это будет год, Янек, — сказал Шульц, осторожно беря в черные, загрубевшие от работы руки тоненький стебелек бокала.

Улыбка доктора была полна печали:



— Не для всех, наверное, не для всех...

В кабинете доктора, в папке, лежали желтые карточки из больницы, в которой почти месяц пробыл старый Шульц. Его болезнь носила латинское название, но лучше будет сказать, что стрелой смерти уже пометил его тот, кто не знает снисхождения.

— Так, Янек, не для меня, — кивал головой старый. — Но с тобой будет по-другому.

Доктор вздохнул.

— «И смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло».

— Пусть так будет, — сказал Шульц.

А потом добавил после короткого молчания:

— Женщина носит девять месяцев, и это хорошо. Кобыла носит триста сорок дней, и это хорошо. Корова носит двести восемьдесят дней, и в этом — великий порядок. Отто Шульц прожил восемьдесят лет и должен умереть, потому что таков порядок вещей.

— Аминь, — подтвердил доктор.

Шульц выпил красный напиток из хрупкого бокала, доктор сделал то же самое. А потом они обнялись как отец с сыном. Шульц ушел в мрак новогодней ночи, а доктор еще минуту смотрел на мокрые следы тающего снега, которые остались возле высокого резного стула, где он когда-то сиживал мальчишкой.

До Нового года оставалось несколько часов. До которого-то там года от сотворения мира по Кальвину, от разрушения Иерусалима, от Рождества Христова, от введения юлианского календаря, от введения григорианского календаря, от введения календаря исправленного, от введения прививок оспы, от распространения паровых машин, от введения электрическо-магнетического телеграфа. До которого-то там года от прекращения вихрей огромной бури, которая прокатилась над миром, и как во многих других местах и странах, так и в этой маленькой деревушке поломала ветви деревьев, разорила птичьи гнезда, а людей, как листья, разбросала широко, на погибель или только на изгнание, на унижение или забвение. Был это и сорок пятый год от рождения Яна Крыстьяна Негловича, доктора всех наук лекарских.

Как обычно, много разных знаков на небе и на земле предвещало, что новый год будет богат всякими событиями. Прежде всего, незадолго до Рождества родила ребенка женского пола в Трумейках молодая ветеринарша, Брыгида, девушка хорошенькая на удивление, с задом, как у кобылы-двухлетки. Почти до дня родов никто не догадывался о ее состоянии, потому что она носила широкую желтую болоньевую курточку, что естественно в осенние холода, а живот, несмотря на беременность, у нее был небольшой. Людям было любопытно, кто добрался до зада Брыгиды, потому что это должен был быть мужчина большой отваги. Брыгида была красивой, с ласковыми глазами телки, но гадкую для женщины имела она профессию: проявляла особую умелость, маленькими и нежными ручками освобождая от яиц бычков и молодых жеребцов, а также баранов. Говорили, что ее подружка по институту, такая же хорошенькая девушка, когда ее изнасиловали трое мужчин, коварно заманила их к себе домой, усыпила специальным вином, а потом лишила ядер, как разбрыкавшихся бычков. Поэтому, несмотря на красоту Брыгиды и ее приветливый взгляд, избегали ее молодые мужчины, и даже удивительно было, что нашелся кто-то настолько отважный, чтобы сделать ей младенца.

Девушка с ребенком — это вещь в тех краях обычная. Но Брыгида никому не сказала, от кого у нее ребенок, и в гминном управлении дочку велела записать на свою фамилию. Тайны своей она не выдала даже доктору Негловичу, которого вызвала в Трумейки акушерка, потому что роды обещали быть трудными. Бабам, которые лежали вместе с ней в палате, объявила: «Если уж вам так интересно, от кого ребенок, то скажу вам, что это случилось от здешнего воздуха». Был это, по мнению людей, нахальный ответ. Потому что нет ничего прекрасней, чем картина, которая разыгрывается после девичьих родов, когда девушка с ребенком на руках вылавливает из толпы какого-нибудь бедолагу, таскает его по судам, а он выкручивается, врет, на других

пальцем указывает и рассказывает разные забавные подробности о девушке.

Разве не так было с дочкой вдовы Яницковой, хромой Марыной? Двадцатилетней девушкой она родила дитя мужского пола в мае прошлого года, а потом на автобусной остановке прихватила молодого Антека Пасемко, который уже полгода работал на Побережье шофером и приезжал домой только на воскресенья и на праздники. Ему-то на остановке она громко прокричала, что ребенка родила от него и пусть он или женится на ней, или платит на сына. Парень защищался, как умел, рассказывал, что не только он девять месяцев назад пошел в койку с хромой Марыной, что их тогда было несколько, потому что она лежала пьяная, как свинья. Молодой Галембка ей засадил, старший сын Шульца, средний из ребят плотника Севрука, почему же именно его, Антека Пасемко, подозревают в отцовстве, если и от семени тех остальных ребенок мог быть зачат? Подробно, ко всеобщей радости, рассказывал Антек Пасемко, как хромая Марына сама в отсутствие матери на кровати разлеглась, как потом ногами радостно дрыгала, когда ее по очереди покрывали — он, Антек, в самом конце, потому что был пьянее всех, поэтому заснул на Марыне, и так его вдова Яницкова в постели с Марыной застала. Те удрали, а он остался, и по этой причине теперь его Марына подозревает, хотя он даже не помнит, наполнил ли он ее своим семенем. Только что спал с Марыной, ничего больше. И, сказав это людям, Антек Пасемко удрал на Побережье и три или четыре месяца не возвращался в деревню, чему никто не удивлялся, потому что все знали, что он боится гнева своей матери. Строгая женщина была Зофья Пасемкова, жена рыбака Густава, мать троих сыновей и дочери. Всем в деревне было известно, что и мужа, и сыновей она за что попало била конским кнутом, а дочку свою, едва ей исполнилось шестнадцать лет, замуж в десятую деревню выдала и видеть ее не хотела, так ее ненавидела. Потому и удрал Антек Пасемко, средний ее сын, на Побережье, что боялся материнского кнута за то, что сделал Марыне. Хотя уже в августе или в сентябре Антек начал хромой Марыне присылать деньги на ребенка, раз пятьсот злотых, другой — тысячу, чем дал доказательство, что ребенка признает, а то, что о Марыне рассказывал, только частично было правдой. Но, что самое удивительное, строгая Зофья Пасемкова, встретив осенью хромую Марыну с коляской, задержалась с ней, но не для того, чтобы всяко обозвать, а только вежливо спросила, можно ли заглянуть в коляску и на внука посмотреть, что было видимым признаком: строгость у нее не слишком велика. Или же это невинное дитя разбудило в ней человеческие чувства. Немного позже Антек Пасемко вернулся в родной дом и, как брата, время от времени подрабатывал в лесу или в хозяйстве родителям помогал, а также на рыбалку с отцом выходил. Хотя и вырастила Пасемкова троих здоровенных и неглупых сыновей, ни один из них, несмотря на несколько попыток устроиться на работу на какой-нибудь шахте, на заводе или на стройке, нигде не обосновался, семьи не создал и со временем возвращался к матери и к ее кнуту. Так же поздней осенью поступил и Антек. С тех пор Пасемкова хромой Марыне пятьсот злотых на ребенка давала. Антек с Марыной не виделся, обходил ее дом, и на сына даже смотреть не хотел. А когда матери близко не было, любил сидеть с другими перед магазином на лавочке и пить пиво. Тут он тоже рассказывал, что на Марыне никогда не женится, потому что она хромая, что было, впрочем, правдой. Потому что одно дело — ребенка сделать, а совсем другое — жениться; парню был только двадцать один год, и жизнь перед ним открывалась кто знает как прекрасно.

Чего, однако, в свое время люди о хромой Марыне наслушались, того наслушались. И неприятно им теперь было, что ничего подобного о прекрасной Брыгиде они не узнают. Плохо говорили о Брыгиде, фыркали на нее, говорили, что она аморально себя вела и что священник Мизерера не должен такое дитя крестить. Когда это услышал священник, в воскресенье он взошел на амвон и такими словами на людей кричал: «По Старому Завету важна только мать, потому что в отце и так никогда нет полной уверенности. Говорю вам, что меньший грех родить, чем выскабливать. Ребенок пани Брыгиды мной окрещен и получил имя Беата, пусть ее Бог благословит. А вы подумайте о своих грехах!»

Комендант отделения милиции, старший сержант Корейво, тоже уклонил-



ся от выяснения правды, хоть, по мнению людей, милиция должна знать обо всем. Он даже невежливо выразился, чтобы ему не дурили задницу, потому что его абсолютно не касается, кто отец ребенка пани Брыгиды. «Никакого следствия не будет, и сличения папиллярных линий — тоже», — говорил он. На это ему старый Крыщак припомнил, что во времена, когда в Трумейках был князь Ройсс, а в отделении командовал вахмистр жандармерии Шнабель, то о таких делах людям было известно.

«Может ли женщина зачать от здешнего воздуха?» — смеялись громко перед магазином в Скиролавках. «Конечно, — ответил доктор Неглович, который как раз подъехал на своем «газике» к магазину, чтобы купить колбасы для собачек. — Вопреки общепринятому мнению, для зачатия ребенка наличие мужчины не является наиважнейшим условием. Иногда намного большую роль играют обстоятельства, такие, как злоупотребление алкоголем, временные перебои с электричеством или испорченный телевизор. Медицине известны разные случаи. Если у кого-то испортится телевизор и он пойдет смотреть фильм к соседу, не исключено, что через девять месяцев у одного или у другого родится ребенок. Свежий воздух тоже может иметь значение для дела. Об этом свидетельствует огромное количество женщин, которые беременеют на отдыхе в санаториях, в отпуске в горах или на море». «Женщина знает, от кого у нее ребенок», — упирался старый Крыщак. «Это правда, — согласился доктор Неглович. — Женщина, как правило, знает, от кого у нее ребенок, но не всегда».

Так никто и не узнал, от кого прекрасная Брыгида родила ребенка, и в сердца людей вкрался непокой, что подобные вещи могут повторяться все чаще. Делом мужским было веками причинять женщинам разные неприятности, а делом женским — добиваться справедливости. Что будет с мужским родом, если женщины начнут пренебрегать даже установлением отцовства? Аж страх охватывал при мысли, что может наступить такое время, когда баба придет к мужику и подставит ему зад, а потом оближется, как после хорошей еды, и пойдет прочь, не взглянув на того, кто ей вкусный обед помог сварить. Печальным и пустым станет мир без бабьих жалоб, мольб и плачей.

Углубился тот непокой, когда на третий день после Рождества завмаг Смугонева выбросила из дома мужа, с которым прожила пятнадцать лет, потому что — как она говорила — пил, а своего дела с ней не делал. И выгнала его так, попросту, как будто какого-то нищего. Тряпки его в кучу собрала и на дорогу в снег бросила. «Иди, — сказала, — к своей матери». Мужик разревелся, тряпки собрал и пошел. А все же у них было двое детей, которые, когда отец уходил, плакали. Но Смугонева еще мужику палкой грозила, когда он оглядывался на родной дом, это видели многие, потому что дом Смугоней стоял напротив магазина, только на другой стороне дороги. Наутро она в магазине бабам заявила, что подаст на развод и что у нее есть отложенные для этой цели деньги.

И еще той самой ночью она легла в постель с двумя мужиками, которые приехали к ней на такси откуда-то со стороны Барт. Утром она открыла магазин с некоторым опозданием, а морда у нее была красная от мужской щетины, которой ее ночью терли, как рисовой щеткой. Не пускалась она ни в какие объяснения, только в полдень шепнула вдове Яницковой: «Плохо мне было — так, как раньше было, а так, как вчера — это хорошо было»...

В природе тоже происходили вещи удивительные. Еще за день до Рождества было совсем тепло, только в Рождество пришел мороз жуткий, и в течение одного дня толстым слоем льда сковал все озеро. В ночь под Рождество разбушевалась снежная метель, и снег шел все праздники. На шоссе выросли огромные сугробы, в которых увяз междугородный автобус, автомобиль начальника гминного управления в Трумейках и «фиат» с двумя офицерами уголовного розыска, которых все мучило дело об убитой летом тринадцатилетней Ханечке. Но хорошо, когда в сугробах застревает машина начальника гмины. Тут же появились большие снежные плуги, прокопались через сугробы, и после этого можно было с удобствами ездить по дороге из Скиролавок до Трумеек, что в другие зимы было редкостью.

С той снежной метели в воздухе царило спокойствие, ночами на небе были видны звезды, а в полях и на покрытом снегом озере тишина и мороз звенели

в ушах, наполняя человеческие души радостью. В пышном снегу зайцы, кабаны, лоси и серны пооставляли четкие и глубокие следы; охотники и браконьеры очищали свое оружие от масла. На горке возле школы с утра до вечера покрикивали дети, катающиеся на санках, громко скрипели ворота колодцев и рукоятки насосов, весело лаяли дворовые собаки. Писатель Любиньски смел снег с террасы над гаражом и в солнечные часы выставлял лежак, на котором отдыхал, завернутый в тулуп и два одеяла, а вечерами работал над повестью о прекрасной Луизе, которая была сельской учительницей, а полюбила простого мужчину.

В спокойном воздухе из труб до самого неба тянулся седой, серый или черный дым в зависимости от того, топил кто-то дровами буковыми или сосновыми. И только над острой крышей художника Порваша ни малейший дымок не курился, стекла разрисовал мороз, а в огороженном сеткой дворе только кот протоптал узкую, как нитка, стежку. Впрочем, кот был не Порваша, а приходил ловить мышей по-соседски, от Галембков. Потому что Порваш, о чем было известно всей деревне, пребывал в Париже, куда в начале декабря повез свои четыре картины, чтобы там их продать по приличной цене с помощью покровителя по фамилии барон Юзеф Абендтойер. Этого барона никто в Скиролавках не видел в глаза, но все хорошо знали по рассказам художника Порваша. Юзеф Абендтойер был на одну четверть евреем, на одну четверть поляком, на одну четверть армянином и на одну четверть немцем. Картины Порваша — преимущественно осенние тростники над озером — нравились парижанам, поэтому каждый раз, возвращаясь из-за границы, Порваш имел на что жить, по крайней мере, полгода. В Польше его картины никто покупать не хотел, и, как узнал писатель Любиньски, ни в столице, ни в других городах никто о творчестве Порваша вообще не слышал. Но писателя Любиньского это не удивляло, потому что о его писательстве тоже с давних пор никто не вспоминал в столице, а все-таки Любиньски был, несмотря на это, писателем, и к тому же — как утверждал Неглович — вполне хорошим.

О художнике Порваше в селе сложилось особое мнение, потому что он не пользовался легкими случаями и не перебежал никому дорогу, а привозил себе каждый раз новую девушку, которую, однако, задерживал не дольше чем на месяц или полтора. Девушки были разного возраста и разной красоты; к сожалению, по причине неряшливого образа жизни художника и отсутствия заботы о еде, они вскоре чувствовали ухудшение здоровья и уезжали с плачем, распространяясь о том, что «он не хотел давать на жизнь» и они должны покидать Скиролавки, потому что «исчерпали свои сбережения».

И вот за день до Нового года вдруг появился в деревне художник Богумил Порваш. По дороге к своему дому он остановил свой старый автомобиль типа «ранчровер» перед магазином, где, как обычно в полдень, сидели на лавке несколько жителей деревни. Был четырехградусный мороз, а они пили холодное пиво. Те самые, впрочем, что всегда, а значит, старый Крыщак, молодой Хенек Галембка, которого два раза принимали на работу в лесу и два раза оттуда выгоняли, пока он не пришел к выводу, что может остаться на содержании жены, ее коровы, свинок, кур, уток и гусей. Сиживали на лавке плотник Севрук, Антек Пасемко, а также Франек Шульц, старший сын Отто Шульца, достойного уважения старца. Но Отто Шульц все не передавал сыну хозяйства, и тот не рвался к работе на отцовском поле. Несмотря на то, что ему уже было почти тридцать два года, он еще не женился и назло отцу подрабатывал себе на пиво, время от времени нанимаясь в рыболовецкую бригаду.

Подъехал художник к магазину в Скиролавках, вышел из машины, как ни в чем не бывало сказал всем «день добрый», вошел в магазин и купил две пачки дешевых сигарет. На переднем сиденье сидела новая девушка художника. Зато сзади, на крытом кожей диванчике, лежала черепица. Одна обыкновенная глиняная черепица. Хорошо обожженная, притягивающая глаз яркой окраской.

Художник сел в машину и отъехал, распугивая воробьев, которые рылись в рыжих кучках конского навоза, разбросанного на снегу перед магазином. И тогда отозвался старый Крыщак:

— Зачем художнику черепица, если у него дом покрыт шифером?



И тотчас Хенек Галембка сбегал в магазин за четырьмя бутылками пива, а остальные молчали, чтобы не выставить себя на посмешище поспешным и необдуманном ответом.

Пили пиво, курили сигареты. Кто-то вставал с лавки и уходил, другой приходил и садился. И так — до шестнадцати, когда завмаг закрыла решетку на дверях и потопала к дому.

И тогда снова старый Крышак сказал:

— Князь Ройсс, помню, привез из Парижа плетеное кресло. И попугая. Все спрашивали — зачем ему плетеное кресло и попугай? А он сидел в кресле и чай пил. А попугай болтал. Два слова знал: «раус» и «штилле».

В сумерках они разошлись, а потом о черепице говорили во многих домах. При свете лампочек, при включенных телевизорах. Во Франкфурте-на-Майне убит начальник полиции, телевизионный диктор подчеркнул «р» в слове «анархисты», Крышак головой кивнул, мол, понимает, о чем речь, потому что князь Ройсс тоже когда-то ругал при нем анархистов. Но своим невесткам Крышак сказал:

— Не поверите мне. Художник черепицу вез. Из хорошо обожженной глины. На заднем сиденье лежала. Единешенька.

Одна из невесток аж за сердце схватилась:

— Боже милостивый, черепицу, говорите, отец, привез? Одну?

— Единешеньку...

В приемном покое доктора Негловича запахло духами. Прибежала жена писателя, пани Басенька. Два крестьянина ждали перед дверьми кабинета, но пани Басенька ворвалась к доктору, как только из кабинета вышла какая-то баба из Белых Грязей.

— Вы слышали, доктор, что художник вернулся из Парижа? Сегодня в полдень. Вроде бы привез новую девку и одну черепицу.

Она расстегнула белую дубленку, натянула зеленый свитерок на больших, торчащих вперед грудях. Соски выделялись, как две пуговики, потому что она никогда не носила бюстгальтера. Она думала, что, может быть, доктор, как обычно, ухватится за одну из пуговиц и покрутит ее своими нежными пальцами. Очень она это любила. Но доктор отвернулся к окну и задумался.

— Одну черепицу привез. На заднем сиденье, — повторила пани Басенька, потому что была уверена, что именно об этом думает доктор Неглович.

— Да, да, да... — пробормотал доктор таким тоном, что пани Басенька аж покраснела.

Потому что, непонятно почему, ей вспомнилось то, что некоторые женщины в деревне говорили о докторе — мол, он сначала женщину унижит, прежде чем на нее лечь. Но в чем заключалось это унижение, никто точно не знал. Вспомнила пани Басенька и совет, который дал ей доктор, чтобы она готовила мужу отвар мелколистной липы, но не ее же была вина в том, что писатель не любил отвара.

Она поднялась со стула.

— Пойду уж. Не буду вам мешать, — вздохнула она, снова обдергивая свитерок.

Доктор тоже встал. Сделал два шага к пани Басеньке, левой рукой минутку ласкал ее груди.

— Не беспокойтесь, пани Басенька, — сказал он. — Дело с черепицей мы скоро выясним. Медицина знает разные случаи...

Она выбежала из кабинета раскрасневшаяся, удивительно разогретая изнутри. Перед домом снова расстегнула дубленку, так ей сделалось жарко, хоть на улице был мороз. «Чудный мужчина этот доктор», — думала она, поспешая по снежной колее.

Писатель Непомуцен Мария Любиньски четвертый раз выстукивал на машинке фразу для первой главы своей повести. Фраза эта все время казалась ему шершавой, нескладной, запутанной, как грудка хвороста, брошенная в лесу. Пожалуй, лучше всего звучал первый вариант: «Он стоял возле Луизы, чувствуя на щеках теплое, почти летнее дуновение от воды. Несмотря на то, что уже наступила осень, день исключительно ясный и безветренный». Может быть, недоставало слова «был», чтобы фраза стала законченной — «день был исключительно ясный и безветренный». Он написал слово «был»,



потом его вычеркнул, потому что оно производило впечатление чего-то лишнего, потом снова дописал это «был», добавил «безоблачный», пока не почувствовал, что его охватывает отвращение к собственной работе. Тогда-то в его рабочий кабинет с двумя выходящими на залив окнами, сквозь которые каждую ночь был виден на другом берегу свет в доме доктора, вошла жена писателя. Из-под расстегнутого кофужа виднелись ее высокие груди, лицо ее было покрасневшим от мороза, глаза блестели. Посмотрев на нее, писатель с печалью подумал, что женат третий раз и снова, как и прежде, взял в жены обыкновенную потаскушку.

— Выглядишь так, будто вернулась от доктора, — заметил он язвительно.

— Ну да, — рассмеялась она, садясь бочком на лавку, покрытую шкурой вепря. — Не хотела мешать тебе работать, а должна была поделиться с кем-нибудь новостью о приезде художника. Представь себе, мой дорогой, он приехал с новой девкой. Никогда не угадаешь, что он вез на заднем сиденье. Черепицу! Обыкновенную черепицу.

Они долго молчали. Она присматривалась к нему с нахальной — по его мнению — улыбкой, и он отвернулся к окну. Подумал, что, конечно, он мог бы развестись и жениться в четвертый раз, нужно ведь переделывать и совершенствовать свою жизнь, как фразу в книжке. Но была ли гарантия, что он снова не наткнется на такую же.

— И что сказал доктор? — бросил он в сторону окна, будто вызов в адрес огонька на другой стороне залива.

— Спросил, пьешь ли отвар из липы мелколистной...

— Ненавижу отвар из липы. — Он отвернулся от окна и посмотрел ей в глаза. — Однако ты могла бы пригласить доктора на ужин. Дело об этой черепице требует обсуждения. Художник привез черепицу? Не тащил же он ее аж из Парижа?

— Думаю, что девка тоже здешняя, — подтвердила она с каким-то глубоким удовлетворением.

В одиннадцать они уже лежали на большой деревянной кровати в спальне, где было очень тепло, потому что осенью печник из Трумеек переложил им кафельную печь. Маленького ведерка угля хватало, чтобы целые сутки печь сильно грела. У пани Басеньки была привычка спать голой, в одних плавках, которые муж должен был с нее стягивать, когда хотел иметь с ней удовольствие. Ей нравилось в таких ситуациях, если мужчина что-то с нее снимал или даже сдирал. Больше всего, однако, она любила, когда муж ласкал ее в темноте или брал потихоньку, как бы украдкой. К сожалению, с ранней осени до самой весны он очень долго разогревался в постели, несмотря на теплую печь и толстую перину. Чаще всего засыпал, так и не отважась на любовную забаву. Итак, они лежали оба навзничь, он — натянутый, как струна, потому что ждал, пока кровь прильет ему к ногам и разогреет их хоть немного, а она правой ладонью гладила его сначала по твердому гладкому животу, потом приподняла свою левую грудь и взяла пальцами торчащий сосок. Она знала, что муж не спит, и спросила:

— Правда, ты не знаешь, каким образом доктор унижает женщину, прежде чем в нее войти?

— Не знаю. Говорил тебе много раз, что не знаю, — ответил Любиньски. — В деревне об этом разное болтают, но ничего конкретного узнать невозможно.

Еще долго они лежали так рядом, а потом она тихо вздохнула, потому что чувствовала, что и в эту ночь обойдется без любви.

Продолжение следует



АНОНС

музыкальной программы первого выпуска «ПУЛЬС-ВИДЕО»



ПУЛЬС ВИДЕО

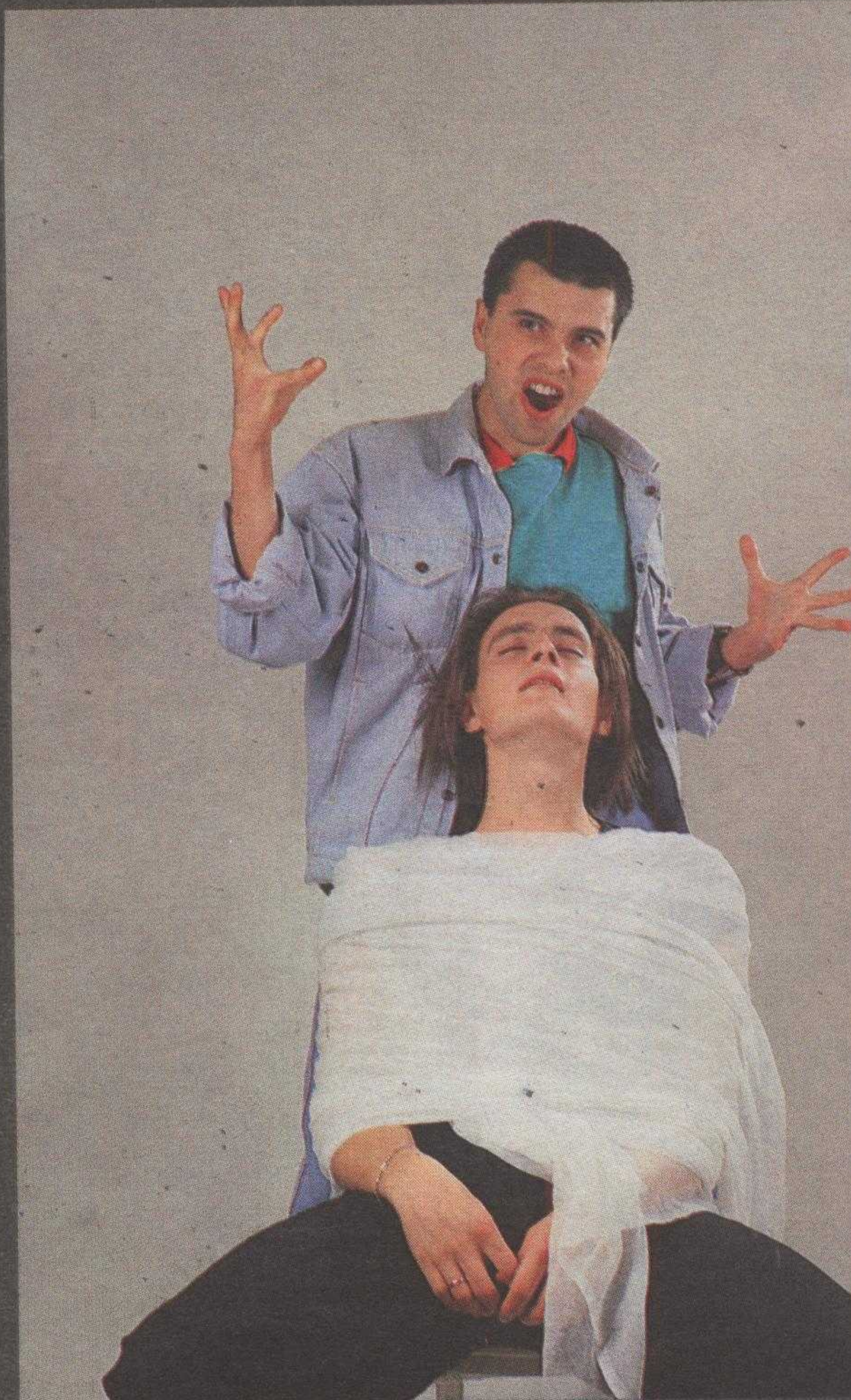
..Поколение дворников и сторожей, героев рок-подполья, по прихоти судьбы ставшее символом перемен, уходит. Но рок неумолимо рождает новые имена. На смену дилетантам идут профессионалы. Прежде чем выйти на сцену, они научились играть. Они работают на аппаратуре, о какой лет пять назад не мечтали самые упакованные команды. У них есть талант, энергия, нахальство двадцатилетних. И самое главное — они знают, что рок — это, во-первых, искусство, а уже потом — социальный протест и приятный способ делать деньги.

участники музыкальной программы первого выпуска «Пульс-видео»

Максим ФАДЕЕВ — лауреат конкурса «Ялта-90» — и группа «Конвой»,
Дмитрий ТАРАВКО и его команда «Экзерсис» —

ОНИ ИДУТ.

ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ.



Индекс 70442
40 коп.



БОН ДЖОВИ

